

АРСЕНАЛЬНОЕ
ОРУЖИЕ

АЛЕКСЕЙ
КАЛУГИН

ТЕМНЫЕ
ОТРАЖЕНИЯ

Август 1998

Алексей Калугин
Тёмные отражения

«ЭКСМО»

1999

Калугин А. А.

Тёмные отражения / А. А. Калугин — «Эксмо», 1999

Студенты – философы вопреки общепринятым представителями совсем не потерянные люди. Пример Павла Гардина, лишившегося в Мире сна собственного тела и стремящиеся во что бы то ни стало заново обрести брентную оболочку, свидетельствуют совсем об обратном. Уникальная способность Павла разгадывать вычурную вязь древнего магического фолианта, подкрепленная его изобретательностью и решительностью, делает его главной ударной волной ударной силой арлаков – рыцарей добра.

© Калугин А. А., 1999

© Эксмо, 1999

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	31
Глава 8	38
Глава 9	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Алексей Калугин

Сеющие ветер

Глава 1

– Любопытная книга, не правда ли?

Павел оторвал взгляд от страниц книги, которую держал в руках, и глянул на продавца.

Сквозь толстые линзы очков на него изучающе и оценивающе смотрели голубовато-серые, выцветшие от времени глаза старика букиниста.

Томик карманного формата толщиной в три пальца привлек внимание Павла среди книжного развала прежде всего тем, что он не смог даже приблизительно определить язык, на котором была написана книга. По ровной, блестящей зелени кожаного переплета тянулись сплошные, не разделенные пробелами на слова линии глубоко оттиснутых золотом знаков, – одна короткая и две длинные, – больше похожих не на буквы, а на причудливые геометрические фигурки или тайные символы алхимиков: перечеркнутая вертикальной линией спираль, вытянутый ромб с крестиком в центре, опрокинутый рогами вниз полумесяц, завиток, похожий на нераспустившийся розовый бутон, – и так далее, все в том же стиле.

Павел взял книгу в руки. Страницы ее – тонкие, полупрозрачные – были испещрены точно такой же вычурной вязью, набранной мелко и убористо. В тексте не было ни графиков, ни рисунков. Набор знаков был ограничен, то и дело они повторялись, но с первого взгляда не представлялось никакой возможности уловить хоть какую-то закономерность в их расположении.

Заглянув в конец книги, Павел обнаружил там две страницы с короткими аннотациями на русском и английском языках:

«Книга Гельфульда Глумза «К истории зеркал и связанных с ними явлений симметрии сна» является наиболее полным и последовательным исследованием данного вопроса. Диапазон исследований автора распространяется от пророчеств Аверроэса до гениальных предвидений Льюиса Кэрролла. Особенно интересен раздел, посвященный многомерно отраженной симметрии снов, включающий совершенно новые, оригинальные исследования и методологические разработки автора. Несомненный интерес для читателя представляет и современное прочтение классической мантры «Ауру-тха, ахту-руа».

– Что это за книга? – спросил Павел.

– Понятия не имею, – пожал плечами старик. – Два дня назад мне принесла ее старая женщина чрезвычайно неприятной наружности, очень грязно одетая. Но книга показалась мне достойной внимания. Вы согласны?

– Вам известно, на каком она языке?

– Увы, – книжник с прискорбием развел руками. – Но я считаю, что, если книга кем-то написана и издана, на каком бы языке она ни была, обязательно появится тот, кто захочет ее прочесть. Или нет?

Павел еще раз перелистал книгу.

– Сколько вы за нее хотите?

Глаза букиниста за стеклами радостно блеснули, но, прежде чем ответить, он долго тер подбородок.

– Семьдесят пять, – произнес он наконец. – Или для вас это слишком дорого?

Павел достал бумажник и, пересчитав свою небогатую наличность, протянул старику шестьдесят три тысячи мелкими купюрами. Книжник, тяжело вздохнув, принял деньги.

– Я всегда рад, когда книга попадает к человеку, которому она действительно нужна, – сказал он, убирая мятые бумажки в ящичек кассы.

Павел сунул попку в карман плаща, кивнул на прощание букинисту и, выйдя из лавки, направился в сторону университетских корпусов.

Павел Гардин заканчивал выпускной курс философского отделения университета. При первом знакомстве никто не давал Павлу его настоящего возраста. В свои двадцать семь он выглядел точно так же, как на фотографии, вклеенной в зачетку еще при поступлении, почти шесть лет назад: худой, длинноволосый юноша с носом чуть длиннее среднего и немного растерянным взглядом темных, широко раскрытых, как будто чему-то сильно удивленных глаз. Среди знакомых Гардин пользовался известностью как знаток восточных школ философии, эзотеризма и мистики, имеющий к тому же неплохую библиотеку по этим предметам.

Две страсти – исследователя и собирателя, – объединив усилия, сподвигли его на то, чтобы отдать последние деньги за непонятную книгу на неизвестном языке.

Впрочем, в жизни Павла это был не первый и скорее всего не последний случай бессмысленной траты денег. Павел имел привычку, от которой и сам порою хотел бы избавиться, – он обычно покупал приглянувшуюся ему по той или иной причине вещь прежде, чем разум успевал дать ей четкие характеристики и решить, понадобится ли она своему владельцу хотя бы раз в жизни. Тем не менее следует признать, что среди вороха всевозможного хлама и бестолковых безделиц, которые Павел с усердием готовящегося к долгой зимовке хомяка тащил в свою комнату, порой попадались и настоящие жемчужины, становившиеся украшением его собрания и предметом зависти разделяющих его интересы товарищей.

В перерыве между лекциями Павел забежал в соседний корпус, чтобы показать свое новое приобретение знакомым студентам-лингвистам, а заодно и выяснить, кто бы мог помочь ему разобраться, о чем, собственно, идет речь в купленной утром книге.

Будущие знатоки живых и мертвых языков долго листали маленький томик, важно обмениваясь глубокомысленными замечаниями, и, недоуменно пожимая плечами, озадаченно кривили губы.

– Ну что? – спросил Павел, выждав приличествующее случаю время и уже в тайне подозревая, что определенного ответа на свой вопрос он сегодня не получит.

– Видишь ли, брат...

Один из будущих лингвистов снял с носа очки и почесал дужкой затылок, что являлось явным признаком того, что специалист, не зная, как ответить на поставленный вопрос и при этом не желая терять авторитет, подбирает соответствующую научную терминологию, чтобы начать пудрить мозги обратившемуся к нему за помощью дилетанту.

От необходимости нести наукообразную глупость его избавил звонок к началу лекции.

– Слушай, пойдем к нашему преподу, – решительно предложил Павлу лингвист.

Гардину потребовалось совсем немного времени, чтобы сделать выбор между чувством долга, зовущим на лекцию, и желанием выяснить, стоит ли чего-нибудь книга, оказавшаяся у него в руках.

Солидный седовласый ученый, взяв книгу из рук Павла, аккуратно положил ее перед собой. Прежде чем приступить к изучению предложенного объекта, он степенно огладил свою солидную бороду и тщательно протер салфеткой стекла очков, после чего водрузил их на толстый, широкий нос. Движения его были плавны и неторопливы.

Покончив с обязательной вступительной процедурой, профессор наклонился вперед и внимательно осмотрел книгу. Затем, хмыкнув совершенно неопределенным образом, он аккуратно, двумя пальцами, перевернул обложку, изучая форзац, перелистнул несколько страниц и заглянул в конец.

Окружившие профессора студенты, затаив дыхание, наблюдали за священнодействием маститого ученого.

Через несколько минут профессор решительно захлопнул том, снял очки и, с победным видом оглядев сгрудившихся вокруг учеников, постучал оправой по корешку книги.

– Грубая мистификация! – огласил он свой вердикт. – Языка, построенного на принципе, по которому сгруппированы знаки в этой книге, нет и быть не может! – И специально для Павла добавил: – Ваша книга, молодой человек, может представлять интерес только для собирателя курьезов. То, что в ней, – полнейшая белиберда!

– Но кому и зачем могло понадобиться напечатать целую книгу, состоящую из бессмысленного набора ничего не значащих символов? – растерянно произнес Павел.

– Этот вопрос уже не ко мне, – развел руками профессор.

– А как же аннотация! – вспомнил вдруг Павел. – В конце книги, на русском и английском!

Раскрыв книгу на нужном месте, он положил ее перед профессором.

Профессор снова надел очки.

– Что вы имеете в виду? – спросил он, с недоумением рассматривая страницу, на которую указывал пальцем Павел. – Я вижу здесь все ту же бессмыслицу.

– Ну, как же, вот: «Книга Гельфульда Глумза «К истории зеркал...», – указал пальцем на нужные строки Павел.

Лицо профессора побагровело, нижняя губа отвисла и мелко затряслась. Лево́й рукой он в гневе сорвал очки и, оперевшись ладонью правой на кафедру, грузно подался вперед.

– Ваша шутка, молодой человек, зашла слишком далеко, – произнес он тихим, вибрирующим от негодования голосом. – Так вы можете шутить со своими друзьями, но не со мной.

Поднявшись со своего места, профессор быстрым шагом вышел из аудитории.

– Довели старика, – обреченно вздохнул один из студентов.

– А я здесь при чем? – развел руками Павел, поймав на себе несколько недобрых взглядов. – Я, что ли, эту книгу написал?

– Старик решил, что его попросту дурачат, когда ты стал уверять его, что книга написана по-русски, – объяснила Павлу светловолосая девица.

– Вот же русский текст! – Павел раскрыл книгу на нужной странице и протянул ее своим оппонентам.

– Не по мне эти трансцендентальные штучки, – мельком взглянув на предложенную Павлом страницу, покачала головой блондинка. – Видно, я слепа на третий глаз.

– Тебе-то что, прикололся – и ушел, – косо глянул на Павла другой студент. – А нам старик во время сессии все припомнит.

– Видно, вы со своим профессором настолько глубоко зарылись в науку, что разучились по-русски читать, – недовольно буркнул Павел, прежде чем выйти из аудитории. – Естественно, проще всего назвать полнейшей бредятиной то, в чем разобраться не можешь...

В коридоре Павел посмотрел на часы и понял, что на лекцию он уже безнадежно опоздал. Вместо того, чтобы объясняться с преподавателем, он решил заглянуть в университетскую библиотеку и попытаться навести там кое-какие справки по интересующему его предмету.

В читальном зале Павел попросил что-нибудь из сочинений Гельфульда Глумзы. Рыжеволосая девчушка из справочного отдела, похожая на белку, надевшую очки в модной пластиковой оправе, просмотрев картотеку, ответила, что книг этого автора в библиотеке нет.

Перелистав все справочники, энциклопедии и словари, что имелись в наличии, Павел нигде не обнаружил даже упоминания о загадочном Глумзе.

Дома он просмотрел собственную картотеку и тоже не нашел ни единой ссылки на этого автора.

И тем не менее этот якобы несуществующий человек написал книгу, которая сейчас лежала на столе среди тетрадей с конспектами и журналов с закладками на тех статьях, которые

Павел собирался прочитать. Глядя на ее зеленый переплет, Гардин пытался угадать, что же перед ним: грубая мистификация, как сказал профессор, или же ключ к непознанной тайне?

Пожалуй, в конце концов, Павел склонился бы к тому, чтобы согласиться с авторитетным мнением профессора. Если бы не одно «но»...

Это «но», хотя и существовало всего лишь в единственном числе, тем не менее представляло собой вполне весомый аргумент в пользу того, что разгадкой секрета книги следует заняться вплотную и немедленно. Мистический ореол придавал ей тот факт, что короткие тексты на русском и английском языках на последних страницах были доступны взгляду лишь только одного ее обладателя. Профессор и его ученики видели на этих страницах все ту же кажущуюся им абсолютно бессмысленной вереницу знаков и символов.

Что ж, вероятно, у таинственного Глумзы были достаточно веские причины для того, чтобы столь тщательно зашифровать текст своего сочинения. И, если он все же решился изложить результаты своих исследований, о которых упомянуто в аннотациях, в книге, следовательно, считал, что они представляют определенную ценность не только для него одного. Хранилище сокровенных знаний, таящее в себе угрозу, – вот чем казалась Павлу книга, которая лежала перед ним на столе.

Хоть как-то подступиться к тайне можно было лишь со стороны аннотации, к сожалению, содержащей в себе чрезвычайно мало понятной информации.

Павел не имел ни малейшего представления о том, что собой представляет «многомерно отраженная симметрия сна». Единственным, от чего он мог оттолкнуться в своем поиске, было слово «мантра». Некоторый опыт в использовании классических мантр у Павла имелся. Упомянутая в аннотации мантра была ему незнакома, но от этого она вовсе не становилась чем-то принципиально иным.

Павел разделся до трусов и лег на кровать поверх покрывала. Вытянув руки вдоль туловища, он чуть откинул голову назад и начал неторопливо расслаблять мышцы тела. Глядя в белый потолок, он несколько раз медленно произнес вслух мантру из книги, чтобы запомнить ее звучание.

Почувствовав, что мантра звучит легко и без напряжения, Павел закрыл глаза и стал повторять слова мысленно, нараспев, растягивая их до полной трансформации в однообразный раскатистый рокот.

Гармоничные, но бесконечно чужие, далекие от повседневной жизни звуки постепенно вытесняли из сознания человека образы окружающей его реальности, заменяя их серой пустотой.

После нескольких десятков оборотов мантра замкнулась в неразрывное кольцо и напроочь отсекала внутренний мир человеческой души от внешнего существования тела.

Павел погрузился в золотистый, искрящийся и пульсирующий туман. Он казался себе огромным, как космос, – в любое мгновение он мог почувствовать всем своим существом дыхание самой далекой звезды, провести ладонью по ее сияющей короне, проникнуть в пылающее чрево. И одновременно с этим он превратился в великое Ничто – он не знал, кто он такой, что представляет собой его тело, каковы его расположение и протяженность в пространстве. Он стал всей Вселенной и в то же самое время перестал быть собой.

Неизвестно, как долго длилось такое состояние, – время для Павла также перестало существовать, – но вдруг где-то в глубинах мироздания появилась черная точка, быстро увеличивающаяся в размерах. Точка превратилась в плоский черный диск, края которого, продолжая растягиваться в стороны, стали выгибаться вперед, образуя бездонную воронку, в которую с неумолимой последовательностью проваливалось все, что встречалось на пути.

Павел хотел бежать, но огромное, расплывшееся, рассыпанное на атомы тело не слушалось его; у него не было ни ног, ни рук, ни каких-либо других конечностей или частей, с помо-

щью которых он мог бы попытаться спасти себя. В одно мгновение тело его было скручено, как тряпка, вывернуто наизнанку, смято в комок и брошено в черную бездну.

Павел еще успел удивиться тому, что в те страшные секунды, когда неведомые силы коржили, ломали и рвали его плоть, он не испытывал боли – один только ужас, смертельный ужас непонимания и бессилия. В следующее мгновение он погрузился в кромешную тьму и беззвучие.

Встречного потока воздуха или какого-либо другого сопротивления Павел не ощущал, но непонятным образом чувствовал, что его несет куда-то с невообразимой скоростью.

Глава 2

Когда наконец впереди во мраке забрезжила узкая полоска света, Павел снова почувствовал свое тело таким, каким оно должно быть.

Белая полоса быстро увеличивалась, исходящий от нее свет становился все ярче и пронзительнее, так что в какой-то момент Павлу, чтобы не ослепнуть, пришлось плотно закрыть глаза.

Буквально через секунду он ощутил настерпимое жжение в ступнях и, открыв глаза, обнаружил себя стоящим на раскаленном солнцем песке пустынного берега.

Волны мерно набегали на прибрежный песок и откатывались, оставляя за собой мгновенно высыхающую полоску пены и прозрачные студенистые комочки умирающих медуз.

Песчаная гладь простиралась до горизонта в сторону, противоположную морю. Ближе к берегу ее скучную однообразность местами нарушали невысокие серые обломки скал с угловатыми, изломанными краями.

У самых ног Павла из песка высывался чахлый куст, больше похожий на поставленную торчком метлу, нежели на растение. Возле куста лежал белый, отполированный песком и ветром череп какого-то животного с широкими, непомерно выдающимися вперед клещеобразными челюстями.

Ни единого дуновения ветерка. Неподвижный воздух сковывала страшная духота.

Переступая с ноги на ногу, Павел огляделся по сторонам, пытаясь сообразить, что же ему теперь делать? Где он находится? Как попал сюда? В какую сторону идти?

От огромного множества вопросов, которые некому было задать, понемногу становилось жутковато.

И вдруг от одной-единственной мысли страх исчез, как будто его и не было. Хлопнув себя ладонью по голому бедру, Павел рассмеялся во весь голос и упал на песок. Это же сон! Всего-навсего сон! А привлекательное отличие сна от жизни как раз в том и заключается: что бы ни случилось, что бы ни происходило во сне, все всегда благополучно заканчивается после пробуждения, когда на смену ночным кошмарам приходят повседневная реальность и обыденная скука. Так что без каких-либо опасений можно предоставить сну течь своим чередом, а самому тем временем наслаждаться горячим песком, солнцем и морем! Когда еще выберешься на море в действительности?

– Весьма приятно, хотя и несколько неожиданно слышать искренний смех в столь не подходящем для этого месте.

Вздрогнув от неожиданности, Павел резко обернулся на голос.

У ближайшего обломка скалы, прислонившись к раскаленному камню голой спиной, стоял мужчина в набедренной повязке. Длинная седая борода и отросшие до плеч волосы делали его гораздо старше своего возраста. Обожженная солнцем почти дочерна кожа обтягивала не мощные, но довольно плотные мышцы еще не старого человека.

Поза невесть откуда появившегося незнакомца, казалось, не таила в себе никакой опасности: он стоял расслабившись, скрестив на животе опущенные вниз руки, в которых ничего не было. Больше всего он был похож на отшельника-пустынника или на потерпевшего кораблекрушение, выброшенного на необитаемый остров.

– Как вы здесь оказались? – не двигаясь с места, спросил человек у Павла.

Он говорил на каком-то незнакомом языке, но Павел прекрасно понимал его – еще одно преимущество сна перед реальностью.

Павел беспечно дернул плечом и улыбнулся.

– Не знаю...

Человек удивленно приподнял левую бровь.

– В таком случае, вы, возможно, знаете, за что здесь оказались?

– «За что»? – не понял Павел.

– Вот именно – за что?

Павел потряс головой.

– Я вас не понимаю.

– Вы знаете, где мы находимся? – спросил незнакомец.

– Нет, – бодро тряхнул головой Павел.

Бровь у собеседника встала почти вертикально. Он отошел от камня и сделал жест рукой, приглашая Павла следовать за собой.

– Становится слишком жарко, давайте отойдем в тень.

С другой стороны в скале имелась неглубокая ниша, дающая тень даже в полдень, когда солнце находится в зените. В ней едва хватило пространства, чтобы вместить двух человек. Освобождая место для Павла, незнакомец затолкнул в дальний угол мешок, набитый соломой, служивший, по-видимому, ему постелью, и несколько пустых, обколотых по краям глиняных посуды.

Вид столь убогого жилища утвердил Павла во мнении, что он встретился с отшельником, умерщвляющим свою плоть под жарким солнцем во славу каких-то неведомых богов.

Хозяин ниши, скрестив ноги, сел на камень и, на миг прикрыв глаза, быстро провел кончиками пальцев обеих рук по краям своей растрепанной бороды, словно рассчитывал таким образом привести ее в порядок.

– Это Мертвый берег, – сказал он, указав рукой в сторону моря. – Находится он на краю пустыни Хааб. Вся эта земля и все, что на ней, принадлежит фараону Тахарету Четвертому.

По беспечному выражению лица Павла человек понял, что его собеседнику эти слова ровным счетом ничего не говорят. Павлу его сон определенно нравился, и он с интересом ожидал дальнейшего развития событий.

В глазах незнакомца мелькнуло недоверие.

– А может, тебя подослали слуги фараона?

– Нет, – весело рассмеялся Павел. – Разве я похож на шпиона?

– Кто же вы тогда?

– Меня зовут Павел... – Он замялся, не зная, что еще сказать, какая информация о нем может заинтересовать странного собеседника. – Я студент...

– Но как вы сюда попали? Как вам удалось преодолеть пески пустыни? Зачем вы здесь?

– Не знаю! – почти в отчаянии взмахнул руками Павел. Ему и самому хотелось бы знать ответы хотя бы на часть из заданных вопросов. – Я просто медитировал на мантре и, наверное, заснул.

– Что это была за мантра? Вы помните ее? – быстро спросил человек.

От его внезапно напрягшейся фигуры повеяло беспокойством.

– Ауру-гха, ахту-руа, – отдельно и внятно произнес Павел.

Человек вскочил на колени – подняться выше ему не позволял свод каменной кельи – и крепко вцепился пальцами Павлу в плечо.

– Где ты узнал ее? – закричал он ему прямо в лицо.

Отпрянув назад, Павел вырвался из рук слишком уж разволновавшегося собеседника.

– Успокойтесь! – крикнул он. – Сядьте на место и успокойтесь, иначе я больше ничего не скажу!

Незнакомец на мгновение замер в совершенно неестественной позе, подавшись вперед, с широко раскрытыми глазами. Затем медленно опустился на свое прежнее место.

– Извините, – тихо произнес он и провел ладонью по лицу, стирая искажившую его гримасу. – Извините меня, пожалуйста.

– Ничего, бывает, – буркнул Павел, тоже усаживаясь на место. – Мантру я нашел в книге Гельфульда Глумзы «К истории зеркал и связанных с ними явлений симметрии сна».

Человек закрыл лицо ладонями.

– Великие Хранители! Великие Хранители! – бормотал он, раскачиваясь всем телом из стороны в сторону.

Павел, не ожидавший такой реакции на свои слова, с тревогой наблюдал за чудным незнакомцем. Казалось, его собеседник впал в ступор, и в ближайшее время нечего было надеяться услышать от него что-либо осмысленное.

Не зная, что теперь предпринять, Павел просто сидел, наблюдая за размеренными телодвижениями отшельника.

Однако через пару минут человек прекратил раскачиваться из стороны в сторону и опустил руки. Лицо его сделалось похожим на застывшую бронзовую маску, в которой сплелись отчаяние, надежда и боль.

– То, чем вы воспользовались для того, чтобы попасть сюда, было не мантрой, а пространственной формулой. Чтобы она сработала, не было необходимости медитировать. Само ее звучание порождает каскад нервных импульсов мозга, который, в свою очередь, и открывает проход в Зону терминатора для тонкого тела.

– Но в книге написано «мантра», – возразил Павел.

– В книге идет речь о пространственной формуле, но понятие это вам, видимо, незнакомо. Поэтому вы и нашли для него достаточно адекватную замену, прочитав в незнакомом тексте слово «мантра», которого там на самом деле нет.

– Я прочитал то, чего не было в книге? – удивленно спросил Павел. – Каким образом? Как такое может быть?

– Так уж устроена эта книга, – ответил отшельник. – Таков ее язык.

– Откуда вам это известно?

Незнакомец пропустил вопрос мимо ушей. Он вдруг снова изменился в лице, будто в одну секунду постарел лет на двадцать. Глаза его замутились ужасом.

– Великие Хранители, – свистящим шепотом произнес он. – Я думал, что забыл навсегда. Я надеялся... Это невозможно... Всего одна случайно услышанная формула, и я начал вспоминать... – он посмотрел на Павла. – Где вы видели книгу?

– Я купил ее у букиниста.

– Где? В каком городе?

– В Москве.

Человек на мгновение потерял дар речи. По выражению его лица можно было решить, что он внезапно увидел за спиной Павла привидение.

– Так вы из Реального мира? – после некоторой паузы смог наконец выговорить он.

– Конечно! – ответил Павел с изрядной долей раздражения в голосе. Резкие перепады настроения собеседника, его странное поведение, непонятные слова и фразы вытаскивали Павла, вопреки его собственному желанию, из расслабленного, полусонного состояния. – А вы думали, что я прилетел из страны Оз? – Павел пошевелил пальцами босых ног. – У меня нет волшебных башмачков.

Человек машинально глянул на пятки своего гостя. Похоже, он не заметил в его словах иронии.

– Позвольте представиться, – чуть приподнявшись, отшельник церемонно склонил свою давно нечесаную голову. – Мое имя Гельфульд Глумз.

– Ну надо же! – восхищенно хлопнул себя по бедрам Павел. – Чего только не бывает во сне!

– Не во сне, а в Мире сна, – поправил его Глумз.

– Одно и то же, – отмахнулся Павел.

– Отнюдь, – Глумз провел ладонью по бороде с таким видом, словно собирался прочесть лекцию перед собравшейся аудиторией, забыв, что находится в пустыне, из одежды на нем только набедренная повязка, а слушатель всего один. – Как известно, сон – всего лишь отображение реальной действительности, в то время как Мир сна как раз и является той самой действительностью, отображение которого вы, люди Реального мира, иногда видите в снах. Вы должны бы знать это, если читали мою книгу.

– Книга написана на непонятном мне языке. Я смог прочесть только короткую аннотацию на последней странице, в которой была указана мантра.

– В книге нет никакой аннотации, – лукаво улыбнулся Глумз. – Вся она, от начала до конца, до самой последней строчки, написана на придуманном мною языке.

– Но я сам видел в ней аннотации на русском и английском.

– Нет. Вам просто открылась малая толика того, что содержится в книге.

– Возможно, – подумав, согласился Павел. – Наверное, именно поэтому русский текст не видели те, кому я показывал книгу.

– Где сейчас книга?

– У меня дома.

– В Реальном мире?

– Конечно.

– Вы должны немедленно вернуться. И не выпускайте книгу из рук. – Глумз заговорил торопливо, сбиваясь, перескакивая с одной мысли на другую. – Это очень важно... Наши миры связаны подобно зеркальным отражениям... Представьте себе систему из множества зеркал: изображение передается с одного зеркала на другое. Это – модель... Ни одно действие в одном из миров не остается без ответа в другом... Мы связаны друг с другом, как сиамские близнецы, и если погибнет один мир, то вместе с ним прекратит свое существование и другой... Может быть, в иной форме...

– Но при чем здесь ваша книга? – с трудом перебил его Павел.

– В двух словах не объяснишь! – Глумз был в отчаянии. Его удивляло и выводило из себя безразличное спокойствие Павла. – Вы все поймете, когда сможете прочесть «К истории зеркал» полностью. Скажу не без гордости, я первый, кто сумел создать единую теорию существования Мира сна и его взаимосвязи с Реальным миром, хотя брались за эту задачу многие большие умы. К примеру, Игорь Бетлин, или... Впрочем, эти имена для вас ничего не значат... Прошу вас обратить внимание на то, что названия «Мир сна» и «Реальный мир» являются чистой условностью. На самом деле наш мир не менее реален, чем тот, в котором живете вы. И наоборот, ваш мир для обитателей нашего так же призрачен, как и Мир сна для людей из Реального мира...

– Вы начали говорить о книге, – напомнил Павел.

– В книге я изложил свою теорию. Пространственная формула, использованная вами, являлась всего лишь побочным результатом моей основной работы. Занимаясь своими исследованиями, я думал только о научном интересе и совершенно не принимал во внимание возможность практического использования моих открытий. Я сделал пять экземпляров книги, – Глумз совсем не весело усмехнулся. – В то время я и представить себе не мог, что она будет пользоваться спросом. Один экземпляр я отправил в Вавилонскую библиотеку, и его можно считать потерянным навсегда; второй я отослал своему коллеге и другу Шууму Ва. Три оставшихся я уничтожил, когда за мной пришли смотрители фараона. Следовательно, к вам каким-то образом попала книга, принадлежавшая Шууму Ва.

Глумз замолчал, глаза его погасли, казалось, он всецело ушел в свои воспоминания.

– А что было потом? – спросил после некоторой паузы Павел.

– Потом? – встрепенулся Глумз. – Потом я был сослан сюда, на Мертвый берег. Раз в неделю смотрители привозят мне еду, воду и новые предложения фараона. Последний раз

Тахарет Четвертый в обмен на мои знания предложил разделить с ним власть. – Глумз насмешливо дернул уголком рта. – Даже представить смешно: фараон Гельфульд Первый!

– И что, нет никакой возможности убежать отсюда? – с сомнением спросил Павел.

– Увы, – развел руками Глумз.

– А с помощью вашей пространственной формулы?

– Этот путь для меня закрыт. Пространственная формула открывает проход из одного мира в другой только для тонкого тела. Отправляясь назад, вы вернетесь в свою плотную оболочку, в то место, где ее оставили. Если я перемещусь в Реальный мир, то возвращаться мне все равно придется сюда, на Мертвый берег.

– Зачем же возвращаться?

– Существование тонкого тела в Реальном мире жестко ограничено по времени.

– А что мне делать с вашей книгой?

– Уничтожьте ее! – с отчаянием и болью воскликнул Глумз.

Павел с сомнением покачал головой.

– Боюсь, у меня рука не поднимется бросить в огонь единственный экземпляр уникальной книги.

Павлу показалось, что при этих словах Глумз облегченно вздохнул.

– Тогда берегите ее, – сказал он. – Не отдавайте никому, ни на каких условиях! Помните, что в ваших руках, возможно, находится судьба мира!

Павел протяжно вздохнул.

– Да, вот только заботы о судьбе мира мне и не хватало.

Досада его была в значительной мере показной; на самом деле ему, как и любому другому, конечно же, хотелось хотя бы недолго побыть в роли спасителя человечества. Особенно, когда все происходит во сне, что делает задачу героя не слишком обременительной.

Чуть выше линии горизонта со стороны пустыни возникли два облачка пыли. Увеличиваясь в размерах, они быстро приближались к берегу.

Заметив их, Глумз забеспокоился.

– Это зрители! – Глумз, вытолкнув Павла из ниши, сам вылез вслед за ним под солнце. – Вам следует немедленно возвращаться домой!

– Как? – Павел недоуменно поднял брови.

– Произнесите формулу и представьте, что вы уже дома.

– Но я хочу посмотреть, что будет дальше.

– Что значит «хочу посмотреть»?! – закричал Глумз. – Это вам что, кино?

– Не кино, а сон, – возразил Павел.

– Если в этом сне вам отрежут голову, то проснетесь вы тоже без головы!

Клубы пыли тем временем приближались. Вскоре уже можно было рассмотреть двух огромных паукообразных существ, резкими толчками передвигающихся по раскаленному песку, подобно водомеркам, скользящим по зеркалу пруда.

Пауки остановились в нескольких метрах от обломка скалы, возле которого стояли, продолжая свой спор, Павел с Глумзом.

– Да что мне вас на коленях упрашивать, чтобы вы спасали свою жизнь? – шипел сквозь зубы Глумз.

– Можете не стараться, я все равно останусь, – возражал Павел, с любопытством разглядывая пауков. – Я никогда еще не видел ничего подобного.

Со спин пауков на землю прыгнули четверо невысоких загорелых людей. Одеты они были в кожаные штаны до колен и короткие, не сходящиеся на голой груди, куртки с обрезанными выше локтей рукавами. Головы их были повязаны платками в крупную черно-белую клетку с длинными концами, спадающими на плечи. На поясе у каждого покачивался корот-

кий, с широким лезвием, меч; в правой руке – копье, левая придерживает перекинутый через плечо хлыст.

– Ты кто такой? – грубо спросил один из зрителей, подходя к Павлу.

На Глумза он даже не взглянул.

– В приличном обществе принято сначала здороваться, – с вызовом ответил ему Павел.

Смотритель, не говоря ни слова, резко ткнул его тупым концом копья в живот. Павел, захлебываясь горячим воздухом, согнулся пополам и тут же получил от второго зрителя удар хлыстом по спине.

– Кто он? – спросил зритель у Глумза.

– Формула! Произнеси формулу! – закричал Глумз.

– Ауру-тха, ахту-руа, – с трудом, задыхаясь, выговорил Павел и, закрыв глаза, постарался представить свою комнату.

В то же мгновение он провалился в черное небытие.

Глава 3

«Приснится же такое!» – было первой мыслью Павла, когда он открыл глаза.

За окном высвечивало хилое осеннее солнце, доносилась отдаленная ругань ворон, а Павлу казалось, что он все еще ощущает ступнями раскаленный песок Мертвого берега.

«Хотя бы во сне, а надо было искупаться!» – с запоздалым сожалением подумал Павел, вспоминая синие волны, оставляющие на берегу полоску влажного песка и хлопья белой пены. Когда еще удастся выбраться на море? Во сне и то нечасто такое случается...

Павел потянулся и хотел, как обычно, резко бросив тело вперед и вверх, сесть в кровати. Вместо этого, вскрикнув от пронзительной боли, он снова упал на спину.

Приподняв голову, Павел увидел в области солнечного сплетения свежий багровеющий кровоподтек, размером едва ли не с ладонь.

Он осторожно потрогал больное место двумя пальцами. Откуда мог взяться такой огромный синяк? Ударился во сне и даже не почувствовал? Обо что?.. Во сне его ударил в живот смотритель... Но ведь это было во сне! Нет-нет, надо успокоиться, всему должно быть реальное объяснение...

Павел медленно, не делая резких движений, поднялся, всунул ноги в тапочки и пошел в ванную.

У религиозных фанатиков, переживающих в своих фантазиях вместе с Христом крестные муки, на ступнях и запястьях появляются стигматы – кровоточащие язвы, как бы следы от гвоздей. Сон был необыкновенно реалистичным; возможно, что синяк на животе тоже своего рода стигмат? При определенных условиях изменения в нормальном состоянии нервной системы могут вызвать нарушение процессов обмена веществ в тканях, имеющие внешние проявления...

Да что же так трет ноги?!

Павел снял тапки и встряхнул их. На паркетный пол высыпался крупный желтовато-белый песок. Точно такой же, как на берегу...

– Бред какой-то, – пробормотал Павел и голой ступней разметал песок в стороны.

В ванной он осмотрел себя в большое зеркало, висевшее на двери. Помимо кровоподтека на животе, поперек плеча правой руки, как перевязь, багровел набухший кровью рубец. Павел повернулся боком и смог увидеть, что рубец перечеркивает и спину.

– Сон продолжается... – Павел подмигнул своему отражению.

Он старался выглядеть бодрячком, но на самом деле ему было жутковато. Если ночью, разговаривая с Глумзом, он не сомневался, что все происходит во сне, то сейчас был уверен, что не спит. Для этого ему не требовалось даже щипать себя или бить по щекам. Разум требовал рационального объяснения происходящим странным событиям и не находил его. Мозг начинал понемногу звенеть от напряжения.

Приняв чуть теплый душ и осторожно, боясь потревожить больные места, растеревшись полотенцем, Павел вернулся в комнату.

На столе возле томика Глумза сидела огромная толстая крыса, раза в два превосходящая в размере самого крупного из своих сородичей. Крыса нервно подергивала длинным, покрытым редкими щетинками, розоватым хвостом, похожим на гигантского дождевого червяка, отмокшего и потерявшего цвет в луже на асфальте, и, кажется, собиралась попробовать на зуб корешок лежащей перед ней книги.

Павла передернуло от омерзения. Откуда взялась в квартире эта жуткая тварь?

Крыса глянула на Павла выпученными, похожими на пришитые бусины глазами, шевельнула усами, оскалив широкие желтые резцы, и недовольно заворчала. Вместо того, чтобы скрыться где-нибудь под диваном, она уперлась передними лапами в книгу и стала толкать ее

к краю стола, который почти касался подоконника. Задние когтистые лапы крысы оскальзывались на полированной поверхности, она возмущенно пищала и все усерднее толкала книгу.

Подняв голову, Павел увидел обнаженную женщину, стоящую на карнизе по другую сторону оконного стекла. Кожа ее, отливающая красновато-коричневым цветом, казалась гладкой и лоснящейся, словно смазанная тонким слоем прозрачного жира. Черные волнистые волосы падали на плечи и закрывали половину лица. Глаз, не прикрытый волосами, напряженно следил за движением крысы по столу. Ярко-красные губы, обнажая ряд ровных белых зубов, кривились то ли в полуулыбке, то ли в полуоскале. За спиной у нее время от времени распахивались большие перепончатые, как у летучей мыши, крылья, помогая удерживать равновесие на узком карнизе. Одной рукой она держалась за оконную раму, а другой, просунутой в форточку, пыталась дотянуться до книги. Крыса и крылатая женщина явно действовали заодно.

Сорвав на бегу тапку с ноги, Павел размахнулся и припечатал голову крысы к столу.

Крыса завизжала от боли, но, падая, сумела зацепиться за край стола передними лапами.

Павла поразил вид этих лап, больше похожих на маленькие детские ручки. Вместо когтей на пальцах были розовые ногти, отросшие сверх всякой меры, с черной каемкой грязи по краям.

Крыса подтянулась на лапах, готовясь снова вскарабкаться на стол, и Павел еще раз ударил ее тапкой. На этот раз удар пришелся по голове и цепляющимся пальцам. Пронзительно взвизгнув, крыса кубарем скатилась на пол.

Крылатая женщина за окном издала глухой гортанный звук. Рука ее, запущенная в форточку по самое плечо, стала неестественно удлиняться, вытягиваться, загребая воздух хищно скрюченными пальцами и неумолимо приближаясь к книге.

В последний момент Павел успел выхватить книгу из-под пальцев, царапнувших ногтями по переплету, и, шарахнувшись в сторону, отпрыгнул в дальний конец комнаты.

Женщина разочарованно и злобно вскрикнула, выдернула руку из окна, взмахнула крыльями и, сорвавшись с карниза, исчезла.

Крысы тоже нигде не было видно.

Павел, скорчившись, сидел на полу, забившись в узкую щель между спинкой кровати и книжным шкафом. Все тело его сотрясалось от нервной дрожи, а руки судорожно прижимали к груди книгу в зеленом переплете.

– Бред, бред какой-то, – без остановки повторяли его трясущиеся губы.

Он уже не мог понять, где кончается сон и начинается реальность. Что происходит с ним? Откуда взялись эти бредовые видения? Неужели во всем виновата проклятая книга?

– Бред. Полнейший бред, – в последний раз произнес Павел, теперь уже почти спокойно, почти придя в себя.

При чем здесь книга, он просто переутомился. Лекции в институте, занятия дома, чтение до двух часов ночи, бесконечные психологические опыты на самом себе, и вот результат: крыса с детскими ручками, голая женщина за окном... Интересно, что сказал бы на это старик Фрейд?

Павел заставил себя усмехнуться.

На занятия сегодня он решил не ходить. Пора устроить себе выходной: просто погулять по улицам, зайти в кафе, посмотреть какую-нибудь дурацкую кинокомедию и лечь пораньше спать.

Выходя из дома, он тем не менее сунул книгу Глумза во внутренний карман плаща.

На дворе стояла великолепная осень, чистая и прозрачная. Бледному солнцу, пробивающемуся сквозь затягивающее его серое марево, удавалось еще донести до земли частицу своего тепла. Деревья, казалось, передумали сбрасывать пожелтевшую листву и ждут, когда она снова оживет и позеленеет.

Павел неспешно шел по скверу между рядами скамеек, занятых молодыми мамами, которые, пользуясь хорошей погодой, вывели и вынесли на воздух своих многочисленных чад,

чтобы они перед долгой зимой вобрали в себя побольше последних лучей пока еще теплого солнца.

Прогуливаясь по скверу, Павел мельком взглянул на лавку букиниста, в которой вчера приобрел книгу. Дверь ее была приоткрыта.

Старичок хозяин встретил Павла с распростертыми объятиями.

– Добрый день! Добрый день! Рад снова видеть вас! Постоянный клиент – гордость хозяина магазина! Надеюсь, вы остались довольны вчерашней покупкой?

– Да, благодарю вас, – кивнул Павел. – Я хотел бы узнать, нет ли у вас других книг этого автора?

Букинист посмотрел на Павла поверх очков.

– К сожалению, имя автора мне неизвестно.

– Его имя Гельфульд Глумз.

– Гельфульд Глумз... – Прикрыв глаза тяжелыми морщинистыми веками, старичок какое-то время беззвучно пережевывал имя губами, словно пробуя его на вкус. – Нет. Определенно – нет. Я никогда прежде не слышал этого имени.

– Очень жаль. Извините. До свидания.

Павел повернулся к выходу.

– Подождите! – окликнул его книжник. – Вчера, буквально через полчаса после вас, ко мне в лавку зашел человек, интересовавшийся книгой, которую вы купили. Он очень расстроился, узнав, что она уже продана, и просил передать вам, если вы снова зайдете, его визитную карточку. Он сказал, что ему очень нужна эта книга и просил, чтобы вы непременно связались с ним или оставили у меня свои координаты.

Букинист протянул Павлу визитную карточку с золотым обрезом. На глянцевом прямоугольнике буквами с вычурными завитушками было выведено: «Матфей Матфеевич Матфеев. М.Чересседельный пер., д.1, кв.5». На обратной стороне чернилами от руки было приписано: «Заходите в любое время. Не стесняйтесь».

– Этот человек сказал вам, как называется книга? – взмахнув визиткой, спросил Павел.

– Нет, – качнул головой букинист. – Но он описал, как она выглядит. Другой такой книги, как мне кажется, просто не существует. По крайней мере, я не встречал. А через мои руки прошло немало книг...

– Большое спасибо! – Павел убрал карточку в карман.

Букинист быстро глянул по сторонам, словно желая убедиться, что, помимо него и Павла, в магазинчике больше никого нет и, перегнувшись через прилавок, приблизил свои губы к уху Павла.

– Скажу вам по секрету, – очень тихо произнес он. – Этот человек мне совсем не понравился.

– А почему шепотом? – так же тихо спросил Павел.

– Я прожил долгую жизнь, – тяжело вздохнул старик. – Если человек мне нравится, то я говорю об этом во весь голос, а если нет, предпочитаю помалкивать. Кто знает, может, я ему тоже чем-то не понравился? Зачем мне лишние неприятности?

Еще раз поблагодарив книжника, Павел вышел из лавки.

Засунув руку в карман, он медленно провел пальцем по глубоким бороздкам золотого тиснения на переплете книги.

Наконец-то среди вороха мистики, наслаивающихся сновидений и призраков появилось реальное лицо, хотя и с несколько странным, симметричным именем. Если некто по фамилии Матфеев целенаправленно разыскивает книгу Глумза, следовательно, он что-то о ней знает. Похоже, появилась возможность положить конец неизвестности, тайнам и наваждениям, связанным с книгой.

На обороте визитки было написано: «Заходите в любое время». Павел решил не откладывать и отправиться к Матфееву прямо сейчас.

Глава 4

Малый Чересседельный переулок Павел отыскал недалеко от центра, в одном из тех мест, где, сделав всего несколько шагов в сторону от автомагистрали, можно увидеть за спинами современных бетонных многоэтажек дома, возраст которых исчисляется, должно быть, трехзначным числом. Кто жил в этих двух-, трехэтажных строениях, вросших в землю по окна первого этажа так, что для того, чтобы войти в подъезд, нужно было спуститься вниз по узкому наклонному желобу, протоптанному в слое спрессованного мусора?

Стены парадного были вымазаны – иначе не скажешь – неровным слоем грязно-зеленой краски, облупившейся и облезшей во многих местах. Над грудой сорванных со стены почтовых ящиков красной краской были намалеваны корявые буквы: «Граждане жильцы! Соблюдайте в подъезде чистоту и порядок!» Надпись, похоже, сделали просто пальцем, измазанным в краске. Наверх вела лестница с выщербленными ступенями и без перил.

Квартира, которую искал Павел, находилась на третьем этаже. Дверь была новая, неокрашенная, номер квартиры аккуратно выведен на доске фломастером.

Не найдя звонка, Павел негромко постучался.

– Да-да, входите! Дверь не заперта! – громко ответил из-за двери сильный несколько глуховатый мужской голос.

Павел открыл дверь и оказался в длинном полутемном коридоре.

– Проходите же! – позвал из глубины квартиры все тот же голос.

Миновав коридор, Павел попал в небольшую почти квадратную комнату. Окна плотно закрывали горизонтальные жалюзи. На полу был расстелен лимонно-желтый ковер с очень густым, мягким ворсом. По центру ковра стояла настольная лампа без абажура. Ее яркий слепящий свет делал все, что находилось вокруг, плоским и контрастным.

Мебели в помещении не было никакой, кроме двух больших, глубоких кресел, в одном из которых сидел хозяин.

Поднявшись навстречу гостю, он слегка наклонил голову и представился:

– Матфеев, Матфей Матфеевич. Чем обязан вашему визиту?

Неловко поклонившись в ответ, Павел назвал свое имя и протянул Матфееву его визитную карточку.

– Очень рад вас видеть. Прошу, садитесь, – Матфеев сделал приглашающий жест в сторону кресла.

Хозяин квартиры был высокий, подтянутый мужчина лет пятидесяти. В длинных, густых, зачесанных назад темных волосах лишь местами пробивались редкие седые нити. На узком вытянутом лице с острыми угловатыми чертами резко выделялся большой крючковатый нос с горбинкой. Глаза скрывали очки с темными зеркальными стеклами. Весь костюм Матфеева – мягкие кожаные полуботинки, узкие брюки и свитер под горло с закатанными по локоть рукавами – был цвета безлунной ночи. Рельефные мышцы предплечий говорили о недюжинной силе их обладателя.

– Прошу извинить меня за скудность обстановки: я здесь временно, проездом. – Разговаривая, Матфеев слегка шевелил кончиками пальцев, будто старался освободиться от налипшей на них невидимой паутины. – Букинист, должно быть, сказал вам, что меня интересует книга, которую вы купили у него вчера.

– Меня тоже интересует эта книга, именно поэтому я и пришел, – сказал Павел.

– Она у вас с собой.

То, что это было скорее утверждение, нежели вопрос, Павлу не понравилось, поэтому он и ответил:

– Нет, она осталась дома.

– Вы говорите неправду, – с укором произнес Матфеев. – Книга лежит у вас во внутреннем кармане плаща.

– Откуда вам это известно?

Матфеев сделал неопределенный жест рукой: какая, мол, разница, известно – и все тут.

– Покажите мне ее! – Это прозвучало почти как приказ. – Прежде чем продолжать разговор, я должен убедиться, что это именно то, что мне нужно.

Павел достал книгу и, держа ее обеими руками, протянул Матфееву так, чтобы он мог рассмотреть обложку.

Матфеев, весь напрягшись, подался вперед. Пальцы его нетерпеливо подергивались, казалось, он готов был вырвать книгу из рук Павла.

– Да, это она, – сказал Матфеев. Внимательно рассмотрев книгу, он вновь, расслабившись, погрузился в кресло. – Что вы хотите за нее?

– А что вы можете предложить? – растерялся от неожиданности Павел.

– Все, что хотите, – приподняв руки с колен, Матфеев слегка развел их в стороны. – Практически все.

– Прежде всего я хочу знать, что это за книга.

И Павел снова убрал книгу в карман, давая тем самым понять, что не торопится с ней расстаться.

– Это книга по алхимии. – Голос Матфеева стал безразлично ровным. Слишком уж безразличным. – Написана она в тринадцатом веке монахом-альбигойцем Густавом Майрой, напечатана в конце пятнадцатого в городе Майнце.

– На вид книга совсем новая, – возразил Павел.

– Современное переиздание, – ответил Матфеев. – Выпущена очень небольшим тиражом, специально для коллекционеров. Больше ни для кого интереса она не представляет.

– На каком языке она написана? – тут же спросил Павел.

– Это давно забытый тайный язык альбигойского ордена, – кистью левой руки Матфеев неопределенно взмахнул в воздухе.

– Вам известно название книги? – задал новый вопрос Павел.

– Конечно, – лениво кивнул Матфеев. – «Великое Делание и другие сто рецептов для практического применения».

– В таком случае, – Павел бросил на Матфеева взгляд победителя, – у меня совсем нет книги, которая вам нужна.

– Что вы хотите этим сказать? – Брови Матфеева удивленно взметнулись над оправой очков.

То, что Павел не видел глаз собеседника, лишало его возможности до конца насладиться своим торжеством.

– Книга, которая лежит у меня в кармане, называется «К истории зеркал и связанных с ними явлений симметрии сна», и написал ее некто по имени Гельфульд Глумз!

Матфеев, как подброшенный, вскочил на ноги.

– Кто вам это сказал?! – негромко, со сдержанным напряжением воскликнул он.

– Прочитал, – невозмутимо ответил Павел, покачивая ногой.

– Как это «прочитал»?! – Голос Матфеева едва не сорвался на крик.

Павел удивленно повел плечом, выгнул губы и наморщил лоб, как будто не понимая, чему здесь собственно удивляться?

– Как все читают. – Он взмахнул рукой, пытаясь повторить недавний непринужденный жест своего собеседника.

– Вы знаете язык?

В голосе Матфеева явственно прозвучали растерянность, недоверие и злость.

Ах, как хотелось Павлу видеть в эту минуту его глаза!

– Извините, но я пришел сюда не для того, чтобы меня допрашивали, – церемонно, со сдержанным торжеством произнес Павел. – Я вижу, откровенный разговор у нас не получается.

Поднявшись из кресла, он коротко поклонился – гораздо изящнее, чем при знакомстве, – и направился к выходу.

– Пойдите! – Стремительно выбросив руку вперед, Матфеев крепко ухватил Павла за локоть. – Искренне прошу простить, но вы ошеломили меня своими словами! Я был уверен, что никто в вашем мире не сможет прочесть книгу Глумза!

Павел позволил Матфееву снова усадить себя в кресло.

Матфеев, похоже, был уверен в том, что его гостю удалось прочитать всю книгу Глумза, и Павел не стал разубеждать его. Слушая Матфеева, он только многозначительно кивал.

– Как вы понимаете, – продолжал тот, – знания, заключенные в книге Глумза, практически бесполезны в Реальном мире, но в Мире сна они бесценны.

При словах «Мир сна» Павел перестал изображать всеведущего мудреца и удивленно посмотрел на Матфеева.

– Вы верите в существование Мира сна? – спросил он, стараясь, чтобы вопрос прозвучал как можно более небрежно.

– Конечно, – ответил Матфеев и едва заметно улыбнулся. – Ведь я сам оттуда.

Если бы не события, происшедшие прошлой ночью и сегодня утром, Павел скорее всего счел бы Матфеева сумасшедшим и поспешил бы уйти. Но теперь он уже сам был близок к тому, чтобы поверить в существование таинственного, никому не известного, находящегося где-то за гранью реальности Мира сна. В противном случае пришлось бы разрабатывать версию о эпидемии галлюцинаций с однотипными видениями.

– Итак, думая, что мне неизвестно содержание книги, вы собирались купить или выменять ее у меня, чтобы воспользоваться в личных интересах, – произнес Павел голосом судьи, оглашающего приговор.

– Но теперь я готов предложить вам другие условия...

В коридоре послышались быстрые легкие шаги, и в комнату вбежал человек. Даже, скорее не человек, а человечек: роста в нем было не более полутора метров. Широкие кожаные ремни, перепопоясывающие его довольно упитанное тело вдоль, и поперек, и накрест, делали его похожим на туго перетянутый шпагатом батон колбасы. Лицо – неподвижное, не отражающее никаких чувств и эмоций, – казалось маской, отлитой из голубого, матово отсвечивающего фарфора. Бритая голова с оттопыренными ушами и очень маленький, высоко вздернутый нос придавали человечку сходство с традиционным скульптурным изображением Будды.

– В чем дело, Шайха? – глянув на него, недовольно повысил голос Матфеев.

– Центурионы! – человечек суетливо взмахнул руками, будто отгонял от своей лысины пчелиный рой.

Матфеев поднялся из кресла и с раздражением впечатал кулак в раскрытую ладонь другой руки.

– Выследили!

– Ага, – быстро кивнул Шайха.

Павел не успел заметить, откуда в руке Матфеева появился пистолет. Очень длинное, расширенное у основания дуло и высокая прицельная планка придавали оружию довольно-таки необычный вид.

Забыв о госте, Матфеев бросился через коридор к входной двери.

После нескольких секунд колебания, Павел последовал за ним. На это его толкнуло вовсе не любопытство и уж тем более не жажда приключений, а простое соображение о том, что выход из квартиры скорее всего был один. Остаться же в квартире, хозяин которой чуть что хватается за пистолет, Павел не имел ни малейшего желания, даже при том интересе, который начало вызывать у него словосочетание «Мир сна».

Осторожно выглянув за дверь, Павел увидел, что Матфеев неподвижно замер на лестничной площадке, широко расставив ноги. Пистолет он держал обеими руками чуть правее лица, направив ствол в потолок.

Снизу гулким эхом доносились тяжелые, частые шаги нескольких человек, быстро поднимающихся по лестнице.

Павел обернулся к притаившемуся за его спиной Шайхе, чтобы спросить, кто такие центурионы и что они хотят от Матфеева, но маленький человечек, опередив его, приложил палец к губам, призывая молчать.

Павел снова выглянул на лестницу.

На этот раз он увидел около десяти человек, одетых в светло-серые комбинезоны со множеством «молний» и накладных карманов. Головы и шеи их наглухо закрывали серебристые шлемы. Узкая Т-образная прорезь на лицевой части шлема оставляла открытыми только глаза и нос. Каждый из центурионов был вооружен короткоствольной винтовкой с узким прикладом.

Матфеев, отойдя в сторону, прижался спиной к двери напротив, и центурионы бодрой рысью успели преодолеть больше половины лестничного пролета, прежде чем первый из них заметил противника.

В тот самый момент, когда бегущий впереди всех центурион с двумя красными нашивками на рукаве, что-то громко и невнятно крикнув, вскинул винтовку, Матфеев сделал шаг навстречу. Оказавшись лицом к лицу с наступающими, он выбросил вперед руки с пистолетом и четыре раза нажал на курок.

Четыре оглушительных выстрела в замкнутом лестничном пространстве слились в единый грохочущий гул.

Четверо центурионов, отброшенные назад выстрелами в упор, покатались вниз по лестнице, сбивая с ног и увлекая за собой остальных.

Пока длилась эта неразбериха, Матфеев выстрелил еще несколько раз в кучу перемешавшихся живых, умирающих и мертвых тел и, сделав шаг в сторону под прикрытие лестничного марша, быстро сменил в пистолете обойму.

Центурионы отступили на этаж, оставив на площадке шесть человек. Двое из брошенных были только ранены и пытались отползти к своим. Остальные тела лежали неподвижно.

Матфеев посмотрел на Павла.

Павел взирал на происходящее широко раскрытыми, полубезумными глазами, которым сам же отказывался верить. Чтобы такое происходило в центре Москвы?..

– Ну как, парень? – подмигнул ему Матфеев.

Павел покрутил головой, словно стараясь протолкнуть застрявшую в горле кость, и издал какой-то нечленораздельный булькающий звук.

– Понятно, – ухмыльнулся Матфеев. – Шайха, выведи его отсюда. Думается мне, следующую атаку центурионы подготовят более основательно.

Шайха дернул Павла за рукав и кивком головы велел следовать за собой.

Дважды приглашать парня не пришлось. Он что было духу припустился следом за своим провожатым.

– Павел, береги книгу! – крикнул им вслед Матфеев. – Я очень скоро найду тебя, и тогда мы закончим наш разговор!

В квартире все-таки имелся другой выход.

Шайха долго вел Павла по темному коридору. Временами по сторонам мелькали мутные зеркала, отраженные в них канделябры с зажженными свечами, неясные картины в потемневших золоченых рамах, складки пыльных, пропахших нафталином портьер. Миновав ведущую вниз винтовую лестницу, показавшуюся Павлу бесконечной, они очутились в просторном полутемном зале, освещенном отблесками пылающего в камине огня. Огромный стол в центре, накрытый к обеду, ждал гостей, которые, казалось, должны были появиться с минуты на

минуту. Но Шайха, не давая Павлу возможности задержаться и осмотреться, вел его все дальше и дальше через нескончаемую вереницу сумрачных переходов, комнат, лестниц и дверей.

Когда Павел пытался о чем-то спросить своего провожатого, тот в ответ только что-то невнятно бурчал и ускорял шаг.

И, когда Павел уже решил, что конца этому лабиринту не будет, Шайха вдруг остановился и, указав рукой на свет, брезжащий впереди, растворился в темноте.

Пройдя еще несколько метров, Павел уперся в железную дверь, через зарешеченный верх которой пробивался дневной свет.

Открыв дверь без особых усилий, Павел оказался на тихой, глухой московской улочке. Чуть в стороне, сидя на скамейке, мирно беседовали старушки, время от времени поглядывая на копошащихся в желтой опавшей листве внучат.

Павел обернулся. В том месте, где только что была дверь, он увидел лишь глухую кирпичную стену.

Глава 5

Придя домой, Павел первым делом забрался под душ. Под горячими, жесткими струями занял на спине след от хлыста смотрителя.

Запрокинув голову назад, Павел подставил лицо потокам воды. Голова казалась пустой, надутой одним воздухом.

Что же это творится? Отрицать реальность происходящего, отказываться верить, что где-то совсем рядом существует иной мир, в котором есть центурионы, крылатые женщины и крысы с ручками, как у младенцев, Павел больше не мог. Но и поверить в этот бред, поверить в Мир сна было бы равносильно тому, что признать себя сумасшедшим!.. Либо смириться с тем, что с ума сошел весь мир.

Павел мрачно усмехнулся, вспомнив, что как раз себя-то сумасшедшие считают самыми нормальными людьми.

Из прихожей раздалась призывная трель дверного звонка.

Наскоро обтеревшись полотенцем и накинув старый изрядно поношенный махровый халат, Павел вышел в прихожую и открыл дверь.

На пороге стоял милиционер: маленького роста, едва достающий фуражкой Павлу до плеча, зато при роскошных буденновских усах. На погонах у него золотились новенькие капитанские звездочки.

Милиционер переложил папку, которую держал под правым локтем, под левую руку, смущенно кашлянул в кулак и произнес неожиданно густым басом:

– Разрешите войти?

– Да, конечно. – Павел сделал шаг в сторону, пропуская милиционера в прихожую.

Пройдя в комнату, капитан сел на самый краешек предложенного стула и аккуратно положил папку на колени.

– Я имею честь разговаривать с Павлом Гардиным? – необычайно церемонно поинтересовался он.

– Да, – кивнул головой Павел, усаживаясь напротив.

Про себя он, улыбнувшись, отметил, что так, должно быть, обращались к своим собеседникам городовые. Слышать же подобную речь от капитана милиции было в высшей степени странно. Впрочем, у каждого свои причуды.

– С Павлом Геннадиевичем? – уточнил капитан.

Павел кивнул еще раз.

Милиционер нервно постучал пальцами по папке.

– Дело, Павел Геннадиевич, в следующем, – начал он. – Дело, прямо скажу, для меня не очень-то привычное... Деликатное... Несколько дней назад в нашем с вами районе была обворована квартира известного ученого, историка Мирцина... Случайно не знакомы? – Павел отрицательно покачал головой. – Грабители, они, сами понимаете, считают, что если человек – мировая знаменитость, значит, у него вся квартира должна быть забита золотом и хрусталем, валютой да видюшниками. Ничего этого они в квартире Мирцина не нашли. Со злости, что ли, вынесли почти всю его библиотеку, которая на самом-то деле как раз и представляет собой огромную ценность. Начали сдавать книги в букинистические магазины в разных концах Москвы. Профессор сам с утра до ночи носится по городу, выискивая среди книжных развалов свои книги. Мы тоже стараемся ему помочь. У меня здесь, – капитан приподнял папку с колен, – вся его библиотека записана.

– Ну, а я-то тут при чем? – не понимая, к чему клонит милиционер, немного раздраженно спросил Павел.

Только сейчас он вдруг вспомнил, что милиционер не только не показал своего удостоверения, но даже не представился.

– Вчера в букинистическом магазине номер тридцать два вы приобрели книгу, – капитан заглянул в папку и прочитал: – Книгу Гэ Глумза «К истории зеркал и связанных с ними явлений симметрии сна». Мирцин через меня просит вас вернуть ему ее и готов не только возместить вам ту сумму, которую вы заплатили, но даже выдать вознаграждение. Эта книга, как он говорит, один из самых ценных экземпляров его собрания. Я бы, со своей стороны, посоветовал вам принять предложение ученого: поскольку библиотека Мирцина находится на государственном учете, книгу так или иначе придется вернуть. Лучше сделать это мирным путем. И не без выгоды для себя.

Павлу вся эта история с похищенной библиотекой показалась довольно-таки странной, но он хотел поскорее выпроводить непонравившегося милиционера и поэтому не стал вступать в спор.

– Хорошо, хорошо, – сказал он, – я все обдумаю и сообщу вам.

Павел встал, давая тем самым понять, что разговор окончен.

– Я бы мог прямо сейчас забрать у вас книгу, дать расписку и вернуть деньги.

– Нет-нет-нет, – затряс головой Павел. – Я все сделаю сам, позднее... Простите, но сейчас я очень занят...

Внезапно в поле его зрения попало небольшое круглое зеркало, стоящее в простенке между книжными полками. Он увидел отраженный в нем затылок милиционера с надвинутой фуражкой и торчащие из-под нее мохнатые, по-звериному острые уши.

– А это еще кто! – закричал Павел, указывая рукой на зеркало.

Капитан обернулся, и в зеркале отразилась полужвериная-получеловеческая морда, поросшая короткой и редкой щетиной, желтые глаза с вертикальными зрачками-щелочками и – под черным, приплюснутым, кожистым носом-пуговкой – раздвоенная верхняя губа.

Лицо лжемилиционера начало оплывать, подобно тающей на жарком солнце восковой маске, и из-под нее все яснее и отчетливее стала проступать звериная морда, отразившаяся в зеркале. Из рукава милицейского кителя вылезла коричневая лапа с хищно скрюченными пальцами. Кривые, острые когти впились в дерматин папки. Раздвоенная губа поползла вверх, обнажая желтые клыки.

– Отдай книгу, – прорычал оборотень, поднимаясь на ноги, подогнутые для прыжка.

– Пошел вон! – с истерическим визгом заорал Павел. – Убирайся, или я позову Шайху!

Павел и сам не знал, почему вдруг в сознании у него возник образ маленького лысого человечка со смешно оттопыренными ушами. Это произошло само-собой, непроизвольно, скорее всего потому, что Шайха был из Мира сна и уже один раз помог ему выбраться из неприятной ситуации. А то, что оборотень, переодетый милиционером, явился оттуда же, не вызывало у Павла ни малейшего сомнения.

К удивлению, имя Шайхи возымело действие. Оборотень снова оскалился, но теперь уже не злобно, а раздраженно. Павлу даже показалось, что в его кошачьих глазах мелькнул испуг.

Рыкнув: «Пожалеешь!» – оборотень одним прыжком оказался в прихожей и выскользнул вон.

Павел закрыл дверь на замок и, вернувшись в комнату, в полном изнеможении рухнул на кровать.

Похоже, это никогда не прекратится: крылатая баба, крыса, оборотни, Матфеев в темных очках и при пистолете... Центурионы – может, и они приходили вовсе не за Матфеевым, а за ним? Кто еще заглянет к нему сегодня? Что им всем надо? Книгу? Заберите и убирайтесь к черту! Только оставьте меня в покое! Ну, кто хочет книгу Гельфульда Глумза?..

Глумз!

Павел даже сел в кровати от неожиданно пришедшей в голову мысли. Гельфульд Глумз – вот кто был ему нужен! Он уже однажды беседовал с ним, но разговор получился сумбурным и бестолковым, потому что Павел тогда еще считал, что все происходит во сне, и не особенно вникал в то, что ему говорили. Почему бы не попробовать увидеться с Глумзом еще раз? Если кто и сможет помочь ему избавиться от назойливых визитеров из Мира сна, так только Гельфульд Глумз! В конце концов, можно просто вернуть книгу автору, и пусть сам решает, как с ней поступить.

Павел положил книгу под подушку и лег на нее, закрыв глаза.

– Ауру-тха, ахту-руа, – произнес он пространственную формулу, пытаясь при этом вызвать в памяти видение пустынного берега, где впервые встретился с Глумзом.

Глава 6

На этот раз Павел, едва успев погрузиться в золотистый туман, тотчас же рухнул в черный бездонный колодец. От ощущения бесконечного падения перехватило дыхание. Темнота, сквозь которую он летел, была настолько густой, что казалась вязкой, прилипающей к телу.

Падение прекратилось так же внезапно, как и началось, в тот момент, когда кто-то схватил Павла за руку.

– Вот я и нашел вас, Гардин, – услышал Павел уже знакомый ему голос Матфеева.

Но он по-прежнему ничего не видел в окружающей его кромешной тьме.

– Что-то очень темно здесь, – растерянно произнес Павел, не зная, как реагировать на столь неожиданную встречу.

Темнота, разжившись, стала мутно-серым туманом. Сквозь него Павел уже мог различить силуэт Матфеева, который все еще держал его за руку, будто боялся, что Павел убежит.

Павел даже усмехнулся: куда бежать в этой серой пустоте? Прямо? Направо? Или, может быть, вверх? Да и стоит ли бежать? В конце концов, Матфеев далеко не самый неприятный из тех существ, с которыми довелось встретиться Павлу за истекший день.

Словно разгадав ход мыслей Павла, Матфеев отпустил его руку.

– Светлее здесь не бывает, – сказал он.

– Мы уже в Мире сна? – решил уточнить Павел.

– Нет, по дороге к нему, в Зоне терминатора, – ответил Матфеев. – Мне удалось перехватить вас на полпути. Не хотите ли продолжить наш разговор?

– Место здесь какое-то... – Павел зябко передернул плечами, – мрачноватое...

– Зато спокойное, – возразил Матфеев. – Кроме того, и времени у нас не так много, чтобы искать более располагающее к беседе место. Видели сегодня центурионов? Думаете, они искали меня?

– Книгу? – высказал имевшееся у него предположение Павел.

– Ну, про книгу они, допустим, ничего не знают, – мелковаты сошки, – едва заметно усмехнулся Матфеев. – У них был приказ схватить вас.

– Все равно, я не буду с вами ничего обсуждать до тех пор, пока вы не расскажете мне всего, – решительно заявил Павел. – Кто такие эти центурионы, оборотни, крылатые женщины?..

– Где вы их видели? – властно перебил Матфеев.

– Они пытались забраться ко мне в квартиру, – возмущенно сообщил Павел. – Летучая женщина лезла в окно, а оборотень проник через дверь, прикинувшись милиционером. Была еще и крыса...

– Книга у вас с собой?

Матфеев придвинул свое лицо почти вплотную к лицу Павла. Павел какое-то время пытался сквозь стекла солнцезащитных очков рассмотреть его глаза, но, так и не увидев ничего, кроме бесконечно холодной космической тьмы, отвел взгляд в сторону.

Только сейчас Павел обратил внимание на свой костюм. Отправляясь в Мир сна во второй раз, он хотел выглядеть более респектабельно, нежели в прошлое свое посещение, когда весь его костюм состоял лишь из синих домашних трусов. Он пытался представить себя одетым по полной форме, но оказалось, что ему удалось прихватить с собой только брюки и плащ. Как раз плащ-то он и вовсе не собирался надевать – зачем плащ в пустыне?..

Похлопав по карманам плаща и не обнаружив там книги, Павел разочарованно развел руками.

– Осталась дома, – сообщил он Матфееву.

– Немедленно отправляйтесь обратно! – приказал Матфеев. И, всплеснув руками, добавил: – Ну, что за беспечность! Я же велел вам все время держать книгу при себе!

– Да сами-то вы кто такой? – завелся вдруг Павел, которому надоело, что ему только приказывают, но ничего не считают нужным объяснить. – Кричите на меня так, будто сами не пытались выторговать у меня эту самую книжку! Вам-то она зачем?

– Не время сейчас об этом! – отрубил Матфеев.

– А я как раз никуда не тороплюсь!

Павел глазами искал место, где можно было бы присесть, но, не найдя ничего, просто сложил руки на груди, всем своим видом показывая, как глубоко безразличны ему заботы и переживания случайного знакомого.

Матфеев, с трудом сдерживая кипевшие в нем раздражение и злость, стиснул руки в кулаки.

– Дурак, – процедил он сквозь зубы. – Ты же не понимаешь, что происходит.

– Ну так объясните мне, бестолковому. – Павел обиженно сдвинул брови к переносице.

Он чувствовал, что теперь уже Матфеева интересует не только книга Глумза сама по себе, но и ее нынешний обладатель, поэтому считал себя вправе выдвигать любые условия.

– Хорошо. – Матфееву удалось взять себя в руки, но голос его все еще раздраженно вибрировал. – Хорошо. Сейчас мы отправимся к тебе домой, и там я отвечу на все твои вопросы.

– Согласен, – смиловился Павел, довольный, что хоть в чем-то одержал победу. – Я перемещаюсь с помощью пространственной формулы Глумза, – авторитетно заявил он. – А вы как предпочитаете?

– Не тяни время, отправляйся! – снова закричал Матфеев. – Мне твоя формула не поможет, у меня свой путь. Если что, продержись только пару минут – я подспею.

– Что вы имеете в виду?

– Отправляйся! Все вопросы – потом!

Павел недовольно поджал губы, но спорить больше не стал. Вызвав в памяти интерьер своей комнаты, он произнес формулу.

И ничего не произошло. Ровным счетом ничего. Он остался там же, где и был – в пустом сером тумане рядом с Матфеевым.

– Осечка, – смущенно улыбнулся Павел.

– Не осечка, а конец, – закричал зубами Матфеев. – За мной.

Он ухватил Павла за руку и потащил за собой с такой силой, что у того даже мысли о сопротивлении не возникло.

Они двигались быстро, почти бегом.

Едва поспевая за Матфеевым, Павел лишь удивлялся, как тому удастся так быстро выбрать верное направление при полном отсутствии каких-либо ориентиров?

Но вот среди серого однообразия впереди появилась черная крапина, которая по мере приближения к ней превратилась в черный квадрат раза в два больше того, что изобразил Малевич. Квадрат висел в пустоте вертикально, без какой-либо опоры. Нижний край его находился точно на уровне коленей остановившихся перед ним людей.

– Полезай, – скомандовал Матфеев и подтолкнул Павла к квадрату.

Павел с сомнением заглянул за черную плоскость, которая была не толще листа бумаги.

– Но почему все-таки не сработала формула? – задумчиво произнес он.

– Да потому, что тело твое уже занято! – заорал Матфеев.

– Как занято? – ошалело сморгнул Павел. – Кем?

Матфеев медленно втянул в себя воздух через раздутые ноздри и вдруг, обхватив Павла поперек пояса, приподнял его и толкнул в черный квадрат.

Павел перевернулся через голову и, больно ударившись коленками об асфальт, упал на четвереньки.

– Поднимайся! Живо!

Матфеев стоял рядом и протягивал руку.

Поднявшись на ноги, Павел быстро сориентировался в пространстве. В двух шагах от него находился подъезд дома, в котором он жил. Наверное, был уже поздний вечер – на улице, освещенной редкими фонарями, не было ни души.

Дверь подъезда открылась, и из нее торопливой походкой вышел человек. Бросив беглый взгляд на Павла с Матфеевым, человек отвернулся, засунул руки глубоко в карманы плаща и еще быстрее зашагал в противоположную от них сторону.

– Это же... я! – с хрипом выдавил из себя Павел, все еще не в силах поверить, что только что видел себя со стороны.

Матфеев молча сорвался с места и бросился следом за двойником Павла, который уже сворачивал за угол.

Павел, звонко шлепая босыми ступнями, побежал за ними.

Двойник быстро оглянулся через плечо и, заметив погоню, тоже припустился бежать.

Матфеев двигался вперед большими прыжками, широко размахивая локтями, с шумом загоняя воздух в легкие и выдувая обратно. Бегать он, в отличие от Павла, умел, и расстояние между бегущими быстро сокращалось. Матфеев неумолимо настигал двойника, который то и дело нервно оглядывался назад и безуспешно пытался прибавить скорости. Казалось, у него уже не осталось никаких шансов скрыться от погони. К тому же он, по-видимому, совершенно не знал местности и, вместо того чтобы свернуть в какой-нибудь темный проулок, бежал по центральной улице, ярко освещенной фонарями и совершенно пустой в это время суток. Справа тянулись длинные многоэтажные дома, слева проходило шоссе, по которому время от времени проносились редкие автомобили.

Неожиданно беглец резко свернул влево, выбежал на дорогу, рассчитывая, должно быть, скрыться в темном, неосвещенном парке на другой ее стороне. Сделав несколько шагов по проезжей части, он еще раз через плечо посмотрел на настигающего его Матфеева и не заметил вырлившей из-за поворота черной «Волги».

Пронзительно взвизгнули тормоза. Машина ударила человека в бок. Он, раскинув руки, упал на капот и врезался головой в лобовое стекло. Стекло с сухим треском лопнуло, покрывшись густой сеткой мелких трещин. Двойник скатился через левое крыло и упал на дорогу, гулко стукнувшись об асфальт затылком.

Машина, не успевшая еще до конца остановиться, взревела мотором, уносясь прочь от места происшествия.

Неподвижное тело лежало на спине, с раскинутыми в стороны руками и неестественно перекрученными ногами. Темная лужа крови, медленно вытекающая из расколотой головы, увеличивалась в размере. В ее черной бездонной глянцевой глубине тускло поблескивали отраженные огни уличных фонарей.

Когда, тяжело дыша, подбежал Павел, Матфеев, наклонясь над трупом, уже вытаскивал у него из кармана книгу Глумза.

– Уходим. Быстро.

Матфеев корпусом оттеснил Павла в сторону, не давая взглянуть на труп, и толкнул в направлении темнеющего пролома в парковой ограде.

– А как же он? – Павел обернулся в сторону лежащего на дороге человека, в котором узнавал себя и в то же самое время отказывался в этом признаться.

– Ему мы уже ничем не поможем, – не останавливаясь и не оглядываясь назад, сказал Матфеев.

Глава 7

Внепроглядной темноте парковых аллей, не освещенных ни единым фонарем, Матфеев передвигался быстро и уверенно, подобно ночному зверю, обладающему способностью видеть во мраке. Павел же то и дело спотыкался о неровности грунта и вылезающие из земли корни. Если бы не страхующая крепкая рука Матфеева, он давно бы уже растянулся на устилающем дорожку гравии.

Павел был настолько ошеломлен и подавлен ужасной смертью своего двойника, которая произошла буквально у него на глазах, что слепо следовал за Матфеевым, не задумываясь, куда тот его ведет.

Вскоре поскрипывание гравия под ногами сменилось глухим стуком матфеевских каблуков и шлепаньем голых пяток Павла по каменным плитам.

– Осторожно, ступени, – предупредил Матфеев.

Павел протянул руку в сторону и почувствовал под пальцами неровные бока грубо отесанных булыжников, сложенных в стену.

– Куда мы идем? – поинтересовался он наконец.

– Скоро уже будем на месте, – ответил Матфеев, явно не имея никакого желания вступать в длительные переговоры.

Длинная крутая лестница, закончившись, влилась в узкий неосвещенный коридор.

Павел по-прежнему шел, придерживаясь рукой за стену. Внезапно пальцы его зацепились за что-то металлическое, холодное. Раздался страшный грохот, как будто на пол высыпался мешок пустых консервных банок.

– Уберите руки, – раздраженно произнес Матфеев. – Иначе вы все здесь перебьете.

«Что все?» – хотел было спросить Павел, но, решив, что Матфеев все равно ничего не ответит, счел за лучшее промолчать. Руку тем не менее он опустил.

Теперь, когда Павел не знал расстояния до стены, ему начало казаться, что стены сходятся все ближе и ближе и вот-вот сдавят ему плечи, сожмут, расплющат своей холодной, каменной массой. Голову он непроизвольно старался втянуть поглубже в плечи, боясь зацепить затылком опускающийся, как ему казалось, все ниже потолок.

Едва слышно скрипнула открывшаяся дверь, и Матфеев ввел Павла в огромный зал, освещенный яркими рыжими отсветами пламени, пылающего в глубоком, кажущемся бездонном, камине. Возможно, это был тот самый зал, через который Павел уже проходил с Шайхой, когда они спасались от центурионов, только стол в этот раз был пустым, если не считать большого витого канделябра с горящими в нем свечами.

– Присаживайтесь, отдыхайте, – Матфеев указал на большое, широкое кресло с брошенной на него рыжей пятнистой шкурой неизвестного Павлу животного.

Сам он подошел к камину и надавил на кнопку, спрятанную под полкой. Один из камней стеной кладки беззвучно провалился вниз, а на его месте появилась бронированная дверь сейфа, снабженная добрым десятком различных хитроумных запоров. Матфеев убрал книгу Глумза в сейф и, нажав еще раз на потайную кнопку, восстановил монолитную целостность стены.

– Ну вот, – с явным облегчением произнес он, опускаясь в кресло напротив Павла. – Теперь мы наконец-то можем спокойно поговорить. Здесь нам никто не помешает.

Он вольготно раскинулся в кресле, положил ногу на ногу и свесил руки через подлокотники.

– Где мы находимся? – спросил Павел.

– Теперь уже в Мире сна, – ответил Матфеев. – Конкретно – на территории, носящей название Катнар, в замке герцога Кайры ди Катнара.

– А где же хозяин? – с любопытством оглядываясь по сторонам, поинтересовался Павел. Не меняя своего положения в кресле, Матфеев изящно склонил голову так, что стало ясно, что именно он и является хозяином замка.

– Значит, Матфей Матфеевич Матфеев – это псевдоним, – усмехнулся Павел.

Герцог ди Катнар слегка повел кистями рук.

– Мне показалось, что так вам будет проще общаться со мной.

– Как же мне называть вас теперь? «Ваша милость» или «Ваше превосходительство»? – Губы Павла сложились в саркастическую ухмылку. – Подскажите, а то я не силен в придворном этикете.

– Не ерничайте, Павел, – поморщился ди Катнар. – Вам это совершенно не идет. Называйте меня так, как вам удобно. Можете даже по-прежнему звать меня Матфеевым.

– Хорошо, герцог, – кивнул Павел. – С организационными вопросами закончили. Расскажите, кто был тот человек, попавший под машину?

Ди Катнар весь подобрался, поза его стала более жесткой, напряженной.

– В некотором смысле это были вы, Гардин, – сказал герцог. – Если быть точнее – ваша плотная оболочка, которой завладел кто-то чужой, в то время, когда мы с вами находились в Зоне терминатора.

Павел растерянно похлопал себя ладонью по груди.

– А чье же это тело? – спросил он.

– Ваше, – ответил ди Катнар. – Но это тонкое тело, которое в Реальном мире без плотной оболочки не может существовать длительное время.

– Я вам не верю, – решительно заявил Павел. – Я ощущаю свое тело, как и всегда. Я вижу его. – Павел повертел перед глазами растопыренной пятерней. – Если я суну руку в огонь, он обожжет меня.

– Потому что вы находитесь в Мире сна, – сказал герцог. – Где тонкое тело также является реальностью, хотя и не обладает некоторыми свойствами одетого в плотную оболочку тела.

– Я не верю вам! – повторил Павел с вызовом.

– Шайха! – крикнул ди Катнар.

Дверь – другая, не та, через которую они вошли, – открылась, и в зале появился уже знакомый Павлу слуга герцога.

– Принеси нам зеркало, – приказал ди Катнар.

Шайха вышел и вернулся буквально через минуту, держа перед собой круглое зеркало, заключенное в витую бронзовую раму. Он встал напротив Павла, так что тому стали видны отраженные в зеркале языки пламени в камине, край мраморной каминной полки с разбро-санными по ней мелкими безделушками и пустое кресло с наброшенной на него пятнистой шкурой неизвестного животного.

Павел протянул руку и уперся пальцами в холодное стекло, в невидимую преграду, за которой находилась точно такая же комната, в которой только не было его самого.

Ди Катнар сделал знак, и Шайха, унося зеркало, вышел из зала.

– Тонкое тело не отражается в зеркале, – сказал герцог.

Павел удивленно, будто в первый раз, рассматривал свои пальцы.

– Теперь вы мне верите? – спросил ди Катнар.

Павел поднял на герцога невидящий взгляд.

– Сколько мне осталось жить? – сдавленным голосом произнес он.

– В Реальном мире – не более трех суток, – ответил ди Катнар. – В Мире сна время вашей жизни будет соответствовать продолжительности жизни обычного человека. Я хочу заключить с вами договор: вы поможете мне прочитать книгу Глумза, а я найду для вас новую оболочку, не хуже прежней.

Павел безразлично пожал плечами.

– Выбора вы мне все равно не оставили.

– Клянусь вам, я здесь совершенно ни при чем, – герцог приложил правую руку к груди. – Я всего лишь хотел купить у вас книгу. А вот Глор привык действовать силой и нахрапом – это его стиль.

– Что же это за проклятая книга? – с какой-то отчаянной обреченностью воскликнул Павел. – Ради чего вы все за ней гоняетесь?

– Книга «К истории зеркал», – начал рассказывать ди Катнар, – была написана гениальным ученым, мастером искусства зеркал, Гельфульдом Глумзом, погибшим несколько лет назад...

– Я видел Глумза прошлой ночью, – перебил Павел.

– Это невозможно, – покачал головой ди Катнар.

– Я видел Глумза и говорил с ним. Он... – Павел осекся, решив, что лучше пока помолчать, не выкладывать то небольшое, что ему известно, а послушать, что нового расскажет ди Катнар.

– После смерти Глумза сохранилось только два экземпляра книги, – продолжал герцог. – Один из них принадлежит мне, другой до недавнего времени находился в Вавилонской библиотеке. Это удивительное, уникальное в своем роде книгохранилище, в котором можно встретить редчайшие экземпляры книг, манускриптов и рукописей, но практически невозможно найти то, что тебе нужно в данный момент. Каким-то пока неизвестным мне образом книга Глумза, хранившаяся в Вавилонской библиотеке, оказалась в вашем мире.

Павел вспомнил, что Глумз тоже упоминал о двух книгах: одну он отдал в Вавилонскую библиотеку, другую подарил своему другу. Имя, названное Глумзом, Павел не запомнил, но был уверен, что это не имя герцога ди Катнара. То было короче и звучало мягче.

– Как вам стало известно об исчезновении книги из библиотеки? – спросил Павел.

– Ее название пропало из библиотечного каталога, – ответил ди Катнар.

– Выходит, что тот, кто следит за каталогом, знал где стоит книга?

– Каталог не ведет никто. Он просто существует. И если название исчезает, можно с уверенностью утверждать, что и самой книги в библиотеке больше нет.

Стараясь как-то оценить услышанное, Павел задумчиво постукал пальцами по подлокотнику кресла.

– Я ровным счетом ничего не понял, – сказал он. – Но уже и ничему не удивляюсь.

Ди Катнар едва заметно улыбнулся.

– Привыкайте, – сказал он. – Это Мир сна.

– Мой мир мне нравится больше, – с мрачной тоской произнес Павел.

– Может, вам это только кажется?

Подождав немного и не получив ответа, герцог продолжал:

– Обнаружив, что книга Глумза исчезла из библиотеки, я бросился на поиски и в результате нашел ее у вас. Но Глоры, похоже, следили за каждым моим шагом или же сами каким-то образом вышли на вас. Все монстры, пытавшиеся украсть у вас книгу, центурионы и дух, похитивший ваше тело, – все они прислужники Глоров. Хотелось бы надеяться, что Глорам неизвестно о вашей способности читать тайнопись Глумза, иначе они устроят на вас настоящую охоту.

– Кто такие эти Глоры?

– Двое родственников: Хан Глор Двенадцатый и его племянник – Кит Глор. Все поколения Глоров, существовавшие на протяжении долгой истории Мира сна, отличались паталогической воинственностью, направленной на сопредельные с их Империей территории, и стремлением к всевластию. Но Мир сна устроен так, что все составляющие его части связаны между собой только через Вавилон, гигантский мегаполис, что-то вроде столицы нашего мира. Именно это обстоятельство являлось и является до сих пор для Глоров сдерживающим фактором. Воевать

с Вавилоном – безумие, все равно, что объявить войну одновременно всему миру, а пробиться в соседние земли через Границу, да еще с целой армией, – задача непростая. Глоры всех поколений держали у себя на службе магов и колдунов, чернокнижников и психотехников, главной и единственной задачей которых был поиск способа разрушить Границу. И они достигли в этом некоторых успехов: Глор Шестой присоединил к своей Империи Страну фараонов, а Глору Десятому удалось проникнуть на территорию Тер. Впрочем, очень скоро ему пришлось оттуда уйти, однако проход через Границу остался, и Глоры до сих пор считают Тер частью своей Империи. Сейчас у власти в Империи стоит Хан Глор Двенадцатый. Но его племянник Кит Глор объявил себя единственным законным наследником имперской власти и заключил союз против дяди с фараоном Тахаретом Четвертым. Кто из них прав, сказать трудно: все Глоры приходили к власти в результате заговоров и убийств своих предшественников. Уже не первый раз пристрастие Глоров к войне выливается в войну между самими Глорами. Каждый из них знает о книге Глумза и надеется, что, заполучив ее, сможет свалить противника, а после этого, открыв Границу с сопредельными территориями, еще больше увеличит размеры и мощь своей Империи.

– А что же хотите от книги вы, герцог Кайра ди Катнар?

Ди Катнар поднялся из кресла и подошел к камину. Сняв темные очки, он положил их на полку и повернулся к Павлу. Его черные глаза под резко очерченными изгибами бровей поразили Павла своим необыкновенным блеском. Они были похожи на маленькие участки звездного неба в безлунную и безоблачную полночь.

– Я не собираюсь ни с кем воевать, – медленно произнес герцог. – На своей территории я имею все, что мне нужно. Но я не хочу, чтобы однажды в Катнар ворвались полчища Глоров и переделали здесь все на свой вкус и лад.

– А вы уверены, герцог, что людям в вашей стране нравится, как они живут?

– Идеального общества не существует. Но я знаю, что никто из жителей Катнара не захочет променять его на Империю Глоров.

– И как же книга поможет вам в борьбе с ненавистными Глорами?

– Я не смог прочесть книгу Глумза. Вы, должно быть, лучше меня осведомлены о ее возможностях.

– Я не успел прочитать ее до конца, – быстро ответил Павел. – А в том, что прочитал, не все понял.

– Это вполне естественно, – ничуть не удивился такому ответу ди Катнар. – Многих понятий, которыми оперирует Глумз, в Реальном мире просто не существует.

– В таком случае, может, вы просветите меня на этот счет? – спросил Павел.

– Вы еще не устали?

– Нет.

– Хорошо. – Ди Катнар приподнял руки и соединил кончики пальцев. – Два наших мира связаны друг с другом, как два сообщающихся сосуда, или, как говорят мастера искусства зеркал, являются зеркальными отражениями друг друга. Ни одно событие в любом из них не остается без ответа в другом. Только отражение, если продолжать пользоваться сравнением с зеркалами, рождается не в прямом, а в искривленном зеркале, поэтому предсказать, как повлияет событие в одном мире на жизнь в другом, можно лишь очень приблизительно, со значительной степенью погрешности.

– И какое же из двух зеркал кривое?

– Все зависит от того, с какой стороны смотреть. Глумз открыл законы, используя которые можно устранять погрешность на кривизну отражения. Это понятно?

– Да, но не понятно, каким образом с помощью этого можно управлять миром? И каким из миров?

– Как тем, так и другим. Миры разделены между собой областью полупроницаемости, так называемой Зоной терминатора.

– Это то место, где мы с вами встретились во второй раз? – уточнил Павел.

– Почему же только во второй? – немного лукаво улыбнулся ди Катнар. – И в первый тоже. Насколько мне известно, в Москве нет и никогда не было Чересседельного переулка, ни Малого, ни Большого.

– Во вторую нашу встречу я попал в Зону терминатора с помощью пространственной формулы Глумза, – попытался отстоять свое мнение Павел. – Но, когда я шел на встречу с вами, я ничего при этом не делал.

– Проход открыла моя визитная карточка, которую передал вам букинист. – Ди Катнар продемонстрировал Павлу знакомый кусочек плотной бумаги, зажатый между пальцами. – Ключом служит выписанный на ней узор.

– Выходит, и букинист...

– Нет-нет, – протестующе взмахнул рукой герцог. – Торговец книгами здесь совершенно ни при чем. Он самый обыкновенный житель Реального мира и просто выполнил мою просьбу, ни о чем не подозревая.

– А если бы он отдал карточку кому-то другому? – поинтересовался Павел.

– Ничего бы не произошло, – ответил герцог. – Карточка активировалась только в присутствии книги Глумза. Без нее она просто кусок картона.

– Сложно все это, – тяжело вздохнул Павел. – Ну хорошо, и что же происходит в Зоне терминатора?

– В Зоне терминатора возможно все. Там царят законы магии.

– Час от часу не легче, – обреченно всплеснул руками Павел. – Теперь еще и магия!

– Магия – такой же строгий свод законов и правил, как и любая другая точная наука. Овладеть ее азами так же просто, как научиться складывать и умножать, но достичь в ней вершин способны лишь единицы, гении, равные Гельфульду Глумзу.

– Впечатляет, – не смог удержаться от усмешки Павел. – Но мы еще не закончили с Зоной терминатора...

– В Зоне терминатора возможности магии возрастают тысячекратно. Из нее можно оказывать воздействие как на один мир, так и на другой. Предположим, мы хотим уничтожить Вавилон. Это окажется не по плечу и самому могучему магу, даже если способности его усилены Зоной терминатора. Но, зная правила Глумза, можно рассчитать и воспроизвести в Реальном мире какое-нибудь совершенно незначительное событие, отражением которого в Мире сна станет, к примеру, разрушительное землетрясение, стирающее Вавилон с лица земли.

– Перспектива, прямо скажем, устрашающая. – Павел покачал головой. – А не лучше ли, в таком случае, просто уничтожить книгу?

– Это не выход, – не согласился с ним ди Катнар. – То, что было открыто однажды, рано или поздно будет открыто снова кем-то другим. Я пока еще не знаю, как поступить с книгой. Для начала ее следует внимательно прочесть.

– А есть уже какие-нибудь примеры использования магии в мирных целях? – с напускной серьезностью поинтересовался Павел.

– Напрасно иронизируете, – ответил ему герцог. – С помощью магии у нас получилось многое из того, что не удалось вам.

– Например?

– Например, мы сумели остановить развитие огнестрельного оружия на уровне пулеметов, хотя чисто технически мы давно уже могли перейти к созданию пушек, ракет и тех же атомных бомб, с помощью которых вы пытаетесь сохранить мир.

– Ну, судя по вашим рассказам, у вас до полного мира тоже пока еще далеко...

Павел внезапно загнулся, почувствовав, как внутри него разливается холодная пустота безразличия. Все происходящее снова стало казаться ему затянувшимся бредовым сном. У него пропало желание спорить с ди Катнармом или расспрашивать его о чем бы то ни было.

– Вы рассказываете совершенно невероятные вещи. Понять не могу, почему я вам верю, – произнес он, только чтобы как-то подвести черту под разговором.

Герцог улыбнулся.

– Потому что вы прочитали книгу Глумза, – сказал он. – А это значит, что Мир сна реальнее и понятнее для вас, чем тот мир, в котором вы жили до сих пор.

Павел, скривив губы, неопределенно хмыкнул.

Герцог заметил перемену в настроении Павла, но приписал ее в первую очередь усталости и обрушившемуся на него потоку новой, непривычной, трудной для восприятия информации.

– Шайха! – снова позвал слугу герцог.

Шайха объявился мгновенно, будто ждал все это время за дверью.

– Проводи гостя в его комнату, – велел герцог. – Желаю вам приятного отдыха. – Он изящно и легко поклонился, прощаясь с Павлом.

Быстрый, великолепно исполненный кивок можно было по желанию расценить и как знак учтивости, и как едва прикрытую насмешку.

Следуя за Шайхой, Павел спустился все ниже по длинным лестничным переходам.

В комнате, куда они вошли, тоже горел камин. Невдалеке от него стояли небольшой круглый стол, пара кресел и с правой стороны от двери застеленная кровать. Удивило и не понравилось Павлу то, что в комнате отсутствовали окна. Уж не в подвал ли его завели?

– Это какой этаж? – спросил он у своего провожатого.

Шайха только отрицательно покачал головой.

– Тебе запрещено разговаривать со мной? – снова спросил Павел.

Шайха с ничего не выражающим лицом повторил свой жест, молча указал Павлу на постель и вышел из комнаты, аккуратно притворив за собой дверь.

Павел разделся и лег. Несмотря на усталость, ему не спалось – то ли сказывалось напряжение прошедшего дня, то ли тонкому телу вообще не требовался сон?

Только сейчас, лежа в постели, он с полной ясностью осознал, что с ним произошло исключительное, не похожее ни на что, выходящее за всякие рамки реальности и здравого смысла событие. Вереница сменяющихся с калейдоскопической быстротой действий захватила его, повлекла за собой, не давая ни секунды времени для того, чтобы осмотреться, задуматься, попытаться осмыслить происходящее. Впрочем скорее всего это к лучшему: будь у него время и возможность анализировать происходящее с точки зрения здравого смысла, он пришел бы к выводу, что, повредившись в рассудке, страдает навязчивым бредом с галлюцинациями.

Что теперь делать?

Если верить Матфееву, то, лишившись плотной оболочки, в Реальном мире он обречен на скорую гибель. Если верить Матфееву... А, собственно, почему он должен ему верить? Кто он такой: Матфеев Матфей Матфеевич, герцог Кайра ди Катнар, кто еще – Фантомас?

Матфееву нужен человек, который сможет прочесть книгу Глумза. Павел обладает такими способностями. Откуда они у него – вопрос открытый. Но согласился бы он сотрудничать с Матфеевым, если бы роковое стечение обстоятельств не вынудило его перебраться из Реального мира в Мир сна, где единственными людьми, которых он знает, являются Матфеев, называющий себя также герцогом ди Катнармом, и его молчаливый слуга? Почему бы не предположить, что все происшедшие события были подстроены Матфеевым, решившим убить одним выстрелом двух зайцев: заполучить сразу и книгу, и переводчика к ней? Сначала он просто для того, чтобы запугать Павла, организовал ряд неудавшихся попыток похищения книги и нападение центурионов, а под конец, подстроив гибель двойника, заполучил Павла вместе с книгой, лишив к тому же всякой возможности к сопротивлению...

Одна половина тела погибла, попав под машину, другая – продолжает жить и здравствовать – шизофрения какая-то!..

Почему герцог настойчиво убеждал его, что Глумз умер, когда он сам видел Глумза, разговаривал с ним?..

И с книгой, с ее якобы неограниченными возможностями, тоже далеко не все ясно...

Сколько времени собираются держать его здесь, в этой комнате без окон, похожей на склеп? Может, его здесь еще и заперли?..

Осененный внезапной догадкой, Павел вскочил с кровати и, подбежав к двери, дернул ее. Дверь была заперта!

Ну вот, наконец-то, все встало на свои места! На ночь под замок в комнату без окон сажают пленников, а не гостей!

– Ну, что ж, – тихо произнес Павел. – Я и до встречи с герцогом подозревал, что до конца можно верить только самому себе.

Глава 8

Проснувшись, Павел не мог определить, как долго он спал. В комнате по-прежнему, потрескивая углями, горел камин, и не было никакой возможности угадать, какое сейчас время суток.

Сознание Павла было чистым и ясным. Неустанная кропотливая работа, которую вело его подсознание в то время, пока сам он спал, дала свои результаты. Новая информация была отсортирована, обработана, оценена, сравнена с имеющимися аналогами, обобщена и классифицирована. Павел больше не пытался убедить себя, что все происходящее – просто сон или бред. Теперь он не боялся действительности; он с нетерпением азартного игрока ждал встречи с ней, так как четко знал, что должен делать.

Подсознание Павла, незаметно для него самого, совершило классическую замену – то, что уже невозможно было выдавать за сон, оно попыталось превратить в игру.

Тайна личности герцога ди Катнара, загадочность его поведения, неясность движущих им мотивов больше не волновали Павла. Единственной возможностью получить ответы на все вопросы и, главное, выбраться наконец из этой истории была, как он полагал, встреча с Гельфульдом Глумзом.

На этом пути, без сомнения, лежала масса препятствий. Добраться до Мертвого берега, не зная даже, где он расположен, будет скорее всего непросто, но самая сложная задача – отделаться от навязчивой опеки герцога ди Катнара. Совершенно ясно, что просто так он своего гостя не отпустит.

Но – не торопиться. Для начала – осмотреться, прислушаться, разобраться хотя бы в общих чертах, что собой представляет Мир сна. Здесь важна любая информация: география, государственное устройство, финансовая система...

Павел и сам прекрасно понимал, что весь его план отдает дешевой авантюрой. Каковы его шансы найти человека в чужом, незнакомом да еще вдобавок и совершенно непонятном мире? Однако оставаться слепой, безвольной пешкой в руках ди Катнара он не желал. Главное – начать действовать самому, а там уж – как получится.

Павел поднялся с постели. Вместо измятых брюк и плаща, которые он, раздевшись, бросил на спинку кресла, на сиденье лежала аккуратная стопка свежего белья. Одежда была добротной и удобной, хотя и несколько непривычного фасона. Павел облачился в белую полотняную рубашку, одевающуюся через голову, со шнурком на вороте вместо пуговиц, узкие, облегающие штаны из светло-коричневой, очень мягкой кожи и короткую куртку из такого же материала. Рядом с креслом стояли низкие кожаные сапоги с острыми носками и небольшими отверстиями сверху.

Одевшись, Павел почувствовал себя героем рыцарского романа. Для полного сходства не хватало только шпаги или, на худой конец, длинного, с узким лезвием кинжала.

Громким, резким стуком в дверь он решил дать знать своим тюремщикам, что уже проснулся.

К его удивлению, после первого же несильного толчка дверь открылась, легко и без зловещего скрипа.

В коридоре Павла уже поджидал (или сторожил?) Шайха, а возможно, и какой-то другой, очень на него похожий слуга герцога. Жестом он пригласил Павла следовать за собой.

В зале, куда слуга проводил Павла, расположившись за широким, покрытым белоснежной скатертью столом, его ожидал герцог ди Катнар. Павел почувствовал запах кофе и яичницы с ветчиной. При этом он совершенно не ощущал чувства голода и не имел ни малейшего желания разделить с герцогом трапезу.

Зал был освещен ярким солнечным светом, льющимся через широко распахнутые высокие сводчатые окна. Едва кивнув в ответ на приветствие герцога, Павел кинулся к ближайшему окну.

Окно находилось примерно на семиметровой высоте. Из него открывался великолепный вид на изумрудно-зеленые луга, окружающие замок. Местами на их фоне поблескивали небесной синевой капли озер, обрамленные густым ивняком. Вдоль горизонта пастухи неспешно гнали огромное стадо каких-то крупных животных.

– Пастораль, не так ли. – Герцог произнес вслух мысли Павла.

Павел отошел от окна и сел в кресло напротив герцога, нахально развалившись и высоко забросив ногу на ногу.

– К сожалению, – продолжал герцог, – далеко не весь Мир сна так прекрасен, беззаботен и светел.

– И кто же об этом жалеет больше всех? – любопытствовал Павел.

Герцог оставил вопрос без внимания. Он отодвинул в сторону тарелку и налил себе кофе.

– Я не приглашаю вас позавтракать вместе со мной, – сказал он, не глядя на Павла. – Тонкое тело почти не нуждается в материальной пище. Но, когда вы получите новую плотную оболочку, первое, что вы почувствуете, будет зверский голод.

– И когда же я ее получу? – с вызовом спросил Павел.

– Да хоть сегодня, – спокойно ответил герцог. – Я еду в Вавилон и могу взять вас с собой. Выберете себе тело по собственному вкусу.

– Да мне вроде бы и так неплохо, – замялся Павел, смущенный столь неожиданным предложением.

– Во-первых, вы пока еще не почувствовали всех минусов существования без плотной оболочки, – усмехнулся ди Катнар. – А во-вторых, в Мире сна не любят бестелесников. Если в Катнаре с ними просто не желают знаться, то в Империи Глоров, например, их ссылают на каторжные работы в Кайенские рудники. Так что, я думаю, вам все же следует обзавестись новой плотной оболочкой. Хотя бы временно.

– Что значит «временно»? – забеспокоился Павел.

– До тех пор, пока мы не сможем восстановить ваше прежнее тело, если оно вам так уж по душе.

– Разве это возможно?

– Тонкое тело сохраняет всю необходимую для этого информацию. Оно может послужить матрицей для воссоздания плотной оболочки. А для того, кто овладеет мудростью, заключенной в книге Глумза, не будет ничего невозможного. Так я думаю, хотя кое-кто со мной не согласен. – Герцог поднялся из-за стола. – Так вы едете или нет? Шайха, наверное, уже приготовил машину.

Павел быстро кивнул и, следуя за герцогом, вышел на широкое каменное крыльцо, возле которого стояла приземистая, спортивного типа машина, поблескивающая ярко-зеленым глянцем.

Герцог с Павлом заняли места на заднем сиденье.

Шайха вывел машину на широкую, плотно укатанную грунтовую дорогу.

Машина шла легко и ровно. Шайха управлял ею мастерски, и, похоже, при этом сам он получал огромное удовольствие от столь скоростной езды.

Павел рассеянно смотрел на проносящиеся за окном поля, редкие деревья, всадников, с лихим гиканьем пускающих своих коней в заведомо безнадежно проигранную гонку с машиной.

Ди Катнар тронул Павла за локоть и протянул ему небольшую, изящно выгнутую из матового серебристого металла брошь. Вправленный в центр ее камень ромбовидной формы глубо-

кого насыщенно-черного цвета был почти невидим. Казалось, что на его месте зияет бездонно глубокая дыра. Только проведя пальцем, Павел почувствовал острые грани кристалла.

– Вам нравится? – спросил герцог.

– Да, – ответил Павел.

Поворачивая брошь в пальцах, он пытался найти угол, под которым на камне блеснул бы хоть незначительный отсвет солнечного луча.

– Я дарю эту вещицу вам, – сказал герцог. – И хотел бы всегда видеть ее приколотой у вас на груди. Это – талисман.

– Благодарю вас! – Павел улыбнулся и приколот брошь на куртку с левой стороны.

Павел вовсе не был любителем бижутерии, пусть даже очень искусно сделанной, но зачем раньше времени обижать герцога, да к тому же, возможно, и нарушать при этом какой-то неизвестный ему местный обычай?

Грунтовая дорога незаметно перешла в ровное бетонное покрытие скоростного шоссе.

– Что это? – изумленно воскликнул Павел.

Прямо перед ними, шагнув через дорогу, поднимала свое ажурное плетение Эйфелева башня.

Ди Катнар был доволен произведенным впечатлением. Глядя на него, можно было подумать, что башню здесь поставил именно он.

– Это – Вавилон, – сказал ди Катнар. – А в Вавилоне можно найти практически все, что угодно, стоит только проявить достаточно стараний и терпения.

Проскочив под опорами башни, машина выехала на второй ярус скоростной автотрассы.

Вавилон показался Павлу похожим на огромный диковинный муравейник: яркий, многоцветный, шумный, безостановочно двигающийся и меняющийся. По верхним ярусам дорог нескончаемым потоком неслись автомобили – каких только форм и расцветок здесь не было! – и такой же бескрайний поток пешеходов двигался по первому уровню. Большинство пешеходов и водителей были людьми – разного роста, с различными цветами и оттенками кожи, причудливо одетые, – но встречались в толпе и существа довольно-таки странного вида, тоже куда-то по-деловому спешащие. Они толкали соседей локтями, перебрасываясь быстрыми, короткими репликами.

Архитектура Вавилона представляла собой совершенно фантастическую мешанину всевозможнейших стилей и направлений, форм и размеров. Памятники, монументы и обелиски стояли буквально на каждом углу. То и дело попадали в поле зрения и тут же снова исчезали в невообразимо чудовищном нагромождении зданий знакомые Павлу строения: башня Биг Бэна, Большой театр, Колизей, Белый дом, отдельно стоящая Спасская башня Московского Кремля с двуглавым орлом вместо звезды на шпилье, Центр искусств Помпиду, Покровский собор, почему-то заброшенный на крышу огромного стеклянного куба...

Поворачивая голову то налево, то направо, Павел не успевал следить за всеми чудесами и диковинами Вавилона.

– Откуда это здесь? – удивленно и в то же время растерянно спросил Павел у герцога.

– Что именно вас интересует? – переспросил ди Катнар.

– Все! – воскликнул Павел. – Дома, соборы, памятники из Реального мира! Как они все сюда попали? Это действительно похоже на сон!

– Это – Вавилон, – улыбнулся уголками губ герцог. – А то, что вы видите вокруг, что так вас удивляет, – работа мастеров искусства зеркал. Это древнее искусство, рассказы о котором доходят до нас из глубины веков, одно время почти забытое и совсем недавно воссозданное современными мастерами. Как вы уже знаете, физический контакт между нашими мирами практически исключен. Осуществим лишь контакт, не оставляющий после себя никаких зримых следов: на уровне подсознания или с помощью магии. Что, впрочем, почти одно и то же. Разница заключается лишь в том, что подсознательный контакт происходит спонтанно, неосо-

знанно, магический же планируется заранее и осуществляется с помощью определенных приемов и правил.

– А как же мое мертвое тело? – спросил Павел.

– Оно принадлежало Реальному миру, в нем и осталось, – ответил ди Катнар. – А внутри него находился дух, бестелесное существо, которое невозможно зарегистрировать ни одним известным в вашем мире способом.

– А оборотень, крылатая женщина, центурионы?..

– С центурионами, как я уже говорил, мы встретились в Зоне терминатора. А все остальные были скорее всего просто бестелесниками. В Реальном мире они могли вас только напугать, но не имели возможности причинить какой-либо физический вред, иначе бы непременно этим воспользовались.

– Но как они попали в Реальный мир?

– Точно так же, как и вы попали в Мир сна: благодаря работе мастеров искусства зеркал. Они ловят в своих зеркалах отражения объектов из Реального мира и воссоздают их здесь, на месте. И, соответственно, наоборот. Не так давно городские власти вынуждены были ввести строгий запрет на бесконтрольное воспроизведение объектов из Реального мира, иначе в скором времени Вавилон задохнулся бы под грудой памятников: у вас их ставят, а потом сносят, а у нас все только ставят, ставят, ставят...

– И людей из моего мира вы копируете так же, как и монументы?

– Нет, с людьми все обстоит гораздо сложнее. Переместиться из одного мира в другой человек может лишь с помощью мастера искусства зеркал, но при этом только в тонком теле и только по собственной воле. Похитить человека таким образом невозможно. Кстати, именно в этом состоит причина того, что жители Мира сна в вашем мире надолго никогда не задерживаются: существование тонкого тела в Реальном мире ограничено всего лишь тремя днями.

– А если кто-нибудь из них похитит чужое тело, как похитили его у меня?

– Много ли людей в Реальном мире разгуливает по улицам, оставив свои плотные оболочки дома?

– А это что за удивительное строение? – воскликнул Павел, отвлеченный от разговора внезапно открывшимся необыкновенным зрелищем.

Прямо перед ними взметнуло вверх свою широкую крону гигантское искусственное дерево, по форме похожее на застывшую на лету небывалых размеров каплю какого-то чрезвычайно легкого, пористого материала. Ветви дерева были переплетены столь причудливым образом, что создавали внутри кроны извилистый, со множеством входов и выходов лабиринт, одновременно делая всю конструкцию похожей на огромное живое сердце.

– Это Древо Жизни Эрнста Неизвестного, – ответил ди Катнар.

– Но он же его еще не построил, – возразил Павел.

– Древо Жизни существует в воображении художника, – ответил герцог. – Этого вполне достаточно для мастеров искусства зеркал.

– И все-таки я никак не пойму, что за связь существует между нашими мирами? – вернулся к прерванному разговору Павел.

Ди Катнар, судя по всему, ждал этого вопроса, ждал и готовился к нему, и все же, прежде чем ответить, задумчиво потер двумя пальцами переносицу.

– Видите ли, объяснить это труднее, чем понять, – медленно произнес он. – Я расскажу вам то, что знаю, постараюсь хотя бы немного рассеять туман неопределенности, а все остальное будет зависеть только от вашей фантазии, которая должна помочь вам найти верный ответ.

– Это как же понимать? – Павел удивленно округлил глаза.

– Вы, конечно же, знакомы, хотя бы в самом общем виде, с основными теориями космогонии? – спросил ди Катнар.

– Конечно, но только, как вы правильно заметили, в самом общем виде, – ответил Павел. – Большой взрыв, газо-пылевое облако, разбегающиеся галактики... Пожалуй, это все.

– Подобные теории годятся только для Реального мира, – небрежно махнул рукой герцог. – Но не для Мира сна, который не претерпевал никаких эволюций, а был создан сразу же в таком виде, в котором и существует по сей день.

– Ну, ничего страшного. – Павел едва удержался, чтобы ободряюще не похлопать герцога по коленке. – Когда-то очень давно наши предки тоже так думали.

– Вы меня не поняли, – покачал головой ди Катнар. – И, если не захотите понять, – он особо выделил слово «захотите», – то так никогда и не поймете.

Герцог сделал короткую паузу, давая Павлу возможность вернуть, как обычно, какую-нибудь реплику. Но Павел понял, если он сейчас ляпнет что-нибудь неподходящее, ди Катнар прервет свой рассказ. А любая информация о Мире сна была для него бесценна.

– Мир сна состоит из довольно большого числа независимых друг от друга территорий, – продолжил ди Катнар. – Точное число их неизвестно, потому что то и дело открываются новые проходы. Территории связаны между собой, главным образом, только через Вавилон. Существуют еще прямые проходы через Границу с одной территории на другую, но они непостоянны и пропускная способность их весьма ограничена. Поэтому Вавилон был и остается основным коммуникационным центром для всех составляющих Мира сна. Не существует двух хотя бы в чем-то похожих территорий: геология, растительный и животный мир, уровень общественного развития и государственный строй, язык, письменность, культура – буквально все разное. Конечно, многие различия постепенно в процессе общения частично стерлись, но тем не менее это не то, что наводит, а просто-таки наталкивает на вывод, что все составляющие Мир сна территории некогда были обособленными, никак друг с другом не связанными мирами. Мир сна, подобно мозаике, собран из кусочков различных миров. При этом ни в одном из них не сохранилось не только трудов по истории, но даже хотя бы просто воспоминаний или преданий о том, что они представляли собой до тех пор, пока не стали, объединившись, Миром сна. Когда появился Мир сна? Какова его предыстория? Что послужило причиной его рождения или, может быть, создания? Не задумывался над этими вопросами разве что только ленивый. Но ответы так и не были найдены. Каждый, кому необходимо объяснение, довольствуется тем, во что хочет верить сам. Школам последователей тех или иных учений о происхождении и природе Мира сна нет числа.

– А какое объяснение выбрали для себя вы? – воспользовавшись паузой, спросил Павел.

– Существует легенда, родившаяся уже здесь, в Мире сна, – ответил ди Катнар. – В ней рассказывается о том, что когда-то, в незапамятные времена, в космосе произошла ужасная катастрофа. В легенде она носит название Всполох. О Всполохе узнала заранее некая великая и могучая цивилизация Парящих над Разумом. Им также было известно, что множество обитаемых миров будет захвачено Всполохом и неминуемо погибнет. Даже Парящие над Разумом не могли уберечь от катастрофы все эти миры. И тогда они решили спасти хотя бы небольшую частицу каждого из них. Так, гласит легенда, появился Мир сна. Я согласен с этой легендой, что Мир сна, действительно, был создан искусственно. Кто его создатели и каковы были их цели – спасение гибнущих миров или проведение некоего непонятного нам сверхэксперимента, – остается лишь гадать. Разве не удивительно, что при всем многообразии языков, существующих в Мире сна, достаточно выучить свой родной, чтобы автоматически понимать остальные? Даже вы, пришелец, прекрасно понимаете и меня, и Шайху, а мы, между прочим, говорим с ним на разных языках. Вы этого, наверное, даже не заметили. Единственной территорией Мира сна, не имеющей ни коренного населения, ни собственной флоры и фауны, является Вавилон. Он стоит на гигантской гранитной плите и, как кольцо от ключей, нанизывает на себя каждую из составляющих Мир сна территорий, удерживая их вместе. Вот в такой странный мир вы попали, Павел, – улыбнувшись, закончил герцог.

– Ну а каким боком ваш мир прилепился к нашему Реальному миру? – Павел наконец задал вопрос, интересующий его, пожалуй, в наибольшей степени. – У нас-то насчет космогонии, эволюции и истории как раз все в порядке.

– На этот счет также существует несколько различных теорий, – ответил герцог. – Мне, например, нравится та, которая гласит, что поскольку Мир сна – искусственное образование, то привязка к Реальному миру необходима ему для стабилизации положения в пространстве и времени.

– Мне, честно говоря, не очень нравится теория, в которой мой родной мир расценивается всего-лишь как якорь для чего-то постороннего, – слегка поморщился Павел.

– Существуют и другие гипотезы, – улыбнулся ди Катнар. – Возможно, вам они покажутся более привлекательными, хотя и менее понятными: они опираются на теорию зеркал.

– Ох уж мне эти ваши зеркала! – в сердцах вздохнул Павел.

– О них мы поговорим с вами в другой раз, когда будет время, – успокоил его ди Катнар. – Мы уже почти приехали.

Глава 9

За разговором Павел совершенно забыл о цели их поездки.

Но Шайха свое дело знал и исполнял четко. Он развернул машину на кольце, обрамляющем факел, поднятый вверх каменной рукой статуи Свободы, спустился вниз на два яруса и, обогнув постамент, затормозил возле стеклянной витрины с надписью: «Свободная продажа и прокат тел. Тела всех рас, возрастов и полов».

Павел с ди Катнармом вышли из машины и направились к магазину.

Звякнул колокольчик у двери, и навстречу им выбежал маленький кругленький розовощекий человек, одетый в белый фрак с длинными, развевающимися фалдами.

– Чем могу служить? Чем могу быть полезен? – Человек забежал вокруг посетителей. – О! – воскликнул он, взглянув на Павла, и восторженно вплеснул маленькими, пухлыми ручками. – Я вижу, вам нужно хорошее, молодое, здоровое тело! На прокат или покупаете?

– Покупаем, – ответил за Павла герцог.

Розовощекий владелец магазина мгновенно сориентировался в обстановке, сообразив, что платить будет ди Катнар, и закружил в танце вокруг него.

– Тогда я знаю, что вам нужно! У меня есть просто великолепный экземпляр! Поступил совсем недавно! Но! – Глаза продавца смущенно скосились в сторону. – Стоит недешево.

Ди Катнар жестом, снимающим любые сомнения, повел кистью руки.

– Дайте нам хороший товар, и мы заплатим хорошие деньги, – сказал он, подмигнув торговцу.

Коротышка вскинул руки вверх, как перед Богом.

– Следуйте за мной! Следуйте за мной!

Он провел посетителей в большой светлый зал с зеркальными стенами, заполненный стоящими вертикально полупрозрачными цилиндрами, внутри которых колыхалось, тускло отсвечивая, серебристое марево.

– Вот! Вот именно то, что я хочу вам показать!

Продавец подскочил к одному из цилиндров и надавил педаль у его основания.

Цилиндр осветился изнутри бледно-розовым светом. Заполняющий его серебристый туман рассеялся.

Внутри цилиндра находилось замороженное тело молодого мужчины среднего роста, светловолосого, с хорошо развитой, хотя и не слишком выступающей мускулатурой. Оно было похоже на отлично сделанный манекен или на восковую куклу.

– Сто пятнадцать баллов здоровья! – принялся хвалить свой товар продавец. – Никаких вредных привычек! Великолепная спортивная форма! Единственный дефектик, вот, небольшой шрамик над левой бровью. Его, конечно же, можно было убрать, но я взял на себя смелость оставить. Мне кажется, он придает дополнительную мужественность этому волевому лицу. – Коротышка бросил быстрый взгляд по очереди на каждого покупателя, оценивая произведенное впечатление. – Желаете примерить?

– Да, – не задумываясь, кивнул герцог.

Не дожидаясь ответа от Павла, продавец схватил его за руку и потащил за собой в противоположный конец зала.

– Разденьтесь в тамбуре, войдите в преобразователь и займите место в центре зеленого квадрата. – Дав необходимые указания, торговец толкнул Павла за серую штору.

Павел автоматически выполнил то, что ему было сказано, все еще не понимая, каким образом на него собираются примерить тело из розового цилиндра. Встав в центр квадрата, нарисованного на полу узкой полутемной камеры, примыкающей к тамбуру, он крикнул:

– Я готов!

– Внимание! – услышал он снаружи голос торговца.

Тусклый свет на мгновение совсем погас и тут же зажегся вновь.

Павел почувствовал, как по всему его телу пробежала нервная дрожь.

– Готово! – крикнул снаружи торговец. – Выходите!

Павел вышел в тамбур и взялся было за одежду, но владелец магазина отдернул штору и голым вытащил его в зал.

– Ну, как он вам нравится? – спросил коротышка у герцога, гордо указывая рукой на смущенно переминающегося с ноги на ногу Павла.

– По-моему, неплох, – одобрительно наклонил голову ди Катнар.

– А как вам самому нравится новая оболочка? – Продавец подтолкнул Павла к большому стенному зеркалу.

В зеркале Павел с удивлением увидел человека из цилиндра. Но теперь тело его, хотя и оставалось неподвижным, уже не казалось безжизненным. Павел чувствовал, что достаточно ему сейчас сказать: «Да, это я!» – и тело взорвется заключенной в нем жизненной энергией.

– Ну, что, берем? – спросил ди Катнар.

Павел смущенно и неуверенно пожал плечами. То, что изображение в зеркале повторило его движение, вызвало у него скорее испуг, чем недоумение. Павел пока еще не доверял своему новому телу и даже в какой-то степени побаивался его.

– Берем, – ди Катнар протянул продавцу кредитную карточку.

– Можете одеваться, – лучезарно улыбнулся Павлу владелец магазина.

Одеваясь, Павел почувствовал вдруг зверский голод. Желудок сводило так, будто он не получал пищи целую неделю.

Выходя из тамбура, Павел думал только о том, как бы поделикатнее попросить герцога зайти куда-нибудь перекусить. Однако розовощекий хозяин магазина предупредил его желание.

– Поесть можно напротив, в трактирчике «У Макса», – радостно сообщил он. – Макс – это мой брат. Недорого и очень вкусно.

– У вас все предусмотрено, – одобрительно улыбнулся ему ди Катнар.

Совершивший выгодную сделку торговец скромно потупил взгляд.

На улице герцог дал Павлу несколько разноцветных банкнот с изображением Вавилонской башни, у основания которой был проставлен номинал купюры.

– Вам сейчас действительно необходимо поесть, – сказал ди Катнар. – Идите в трактир и заказывайте все, что понравится. Пока вы едите, мы с Шайхой займемся делами. – Герцог быстро взглянул на часы. – Вернемся за вами примерно через час.

Трактир был небольшой и очень уютный. На стенах, подпирающих низкий, сводчатый потолок, висели парные канделябры, в которых горели стилизованные под свечи лампочки. На маленьких круглых столиках стояли вазочки с маленькими букетиками мелких голубоватых цветов. Обслуживал немногочисленных посетителей сам хозяин, удивительно похожий на своего брата, торговца телами, – такой же маленький, кругленький, розовощекий, с пухлыми ручками.

Узнав, что Павел только что приобрел тело и пришел по рекомендации брата, трактирщик не стал дожидаться заказа, а просто принес два подноса, полных всевозможной еды, и, пожелав приятного аппетита, деликатно удалился к себе за стойку.

Павел, хотя и испытывал жуткий голод, ел медленно, растягивая удовольствие. Ему казалось, что никогда в жизни он еще не был так голоден и, уж тем более, никогда не ел так вкусно.

Насытившись, Павел расплатился с хозяином, заказал кофе и сел дожидаться Кайру ди Катнара.

Он не спеша попивал кофе и думал, почему герцог решился оставить его одного? Неужели он настолько доверяет ему? Или же думает, что его гостю попросту некуда деться?

Обожженный внезапной догадкой, Павел отстегнул подаренную герцогом брошь и ножом подцепил ее черный камень. Выскочив из гнезда, камень повис на тянущихся внутрь броши тоненьких проводках.

Павел горько усмехнулся. Ди Катнар, играя в доверие, на самом деле держал своего подопечного на коротком поводке.

Павел вставил камень в оправу, бросил брошь в вазу с цветами и поспешно вышел из трактира.

Он пока еще не знал, что будет делать и как станет искать Гельфульда Глумза, но снова встречаться с герцогом ди Катнаром не имел ни малейшего желания.

Кайра ди Катнар вошел в трактир «У Макса» через пятнадцать минут после того, как его покинул Павел.

Быстро оглядев зал и не найдя Павла, герцог подошел к стойке.

– Минут сорок назад к вам в трактир зашел светловолосый молодой человек с небольшим шрамом над левой бровью, – обратился он к хозяину, протиравшему белоснежным полотенцем и без того сияющие чистотой стаканы.

– Да, был такой, – ответил Макс, скосив глаз на банкноту, которую герцог прижимал пальцем к стойке. – Очень много ел, потом заказал кофе. Когда он ушел, я не заметил, но не более двадцати минут назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.